

Письмо русскому другу

14 ноября 1996

Эта работа содержит насущно необходимый анализ решающего аспекта той хронической несостоятельности, которая отличает политику США по отношению к России после 1989 года.

Так называемая политика реформ была навязана постсоветской России, Украине и Белоруссии совместно премьер-министром Великобритании Маргарет Тэтчер и человеком, которого она сама признавала своей марионеткой - бывшим президентом США сэром Джорджем Бушем.^[1] Эта политика "реформ", которая не претерпела существенных изменений при президенте США Билле Клинтоне, к настоящему времени привела Россию к пределу ее существования, где неминуем некий взрыв. "Взрыв" не означает "глобальную термоядерную войну", но означает вспышку и распространение хаоса из России на значительную часть планеты. Создается впечатление, что официальный дипломатический Вашингтон более озабочен сохранением видимости поддержки провалившейся "реформы" по британскому проекту, чем сменой обанкротившейся политики Лондона и республиканской партии США на здравую американскую политику.

Невозможно компетентно подойти к этой политической проблеме, если ограничиться рассмотрением собственно "российских" вопросов. Дело в том, что та же экономическая ситуация, которая стала движущей силой взрывоопасного социального кризиса в странах бывшего СССР, является неотъемлемой частью прогрессирующего, ныне все более ускоряющегося глобального экономического коллапса, к которому приводят процессы, происходящие в финансовой сфере, - величайшего финансово-экономического кризиса в современной истории нашей планеты. Динамика российского кризиса является продуктом и отражением ускоряющегося глобального финансового и экономического коллапса. Более того, исчерпанность политики ограбления стран бывшего Варшавского договора финансовыми кругами, базирующимися в Лондоне, является важным дополнительным обстоятельством, определяющим время наступления финансового краха в масштабах планеты и степени его жестокости.

Все это осложняется тем обстоятельством, что руководство США в настоящее время оказывается неспособным осознать чрезвычайный смысл надвигающегося катаклизма, связанного с прогрессирующим, развивающимся по типу цепной реакции финансовым коллапсом. Всем ведущим финансовым центрам мира, - в том числе и директору-распорядителю МВФ Мишелю Камdessus, - известно, что распад существующей мировой финансовой системы идет сейчас полным ходом. Большинство правительств мира в действительности осознает, что кризис надвигается и грянет очень скоро; тем не менее, никто, за исключением небольшой группы влиятельных представителей старшего поколения (почти исключительно - поколения, предшествующего "бэби-бумерам")^[2], практически ни одно правительство, и в особенности - правительство США, ни в малейшей мере не осознает того, насколько внезапно и свирепо, подобно вихрю, ударит этот кризис в момент своей кульминации.

В настоящем обзоре речь идет о нынешнем гиперболически нарастающем кризисе в России, в более широком контексте глобального циклического финансового кризиса. Кризис рассматривается здесь преимущественно с подчеркиванием решающей особенности России, рассматриваемой "изнутри", которую большинство западных стратегов не просто недооценивают, но по существу еще не распознали, поскольку не достигли еще требуемой для этого определенной компетентности. Этот доклад призван способствовать осознанию ими ключевой роли *научного метода* в оценке ситуации.

На протяжении последних месяцев автор посвятил значительную часть своего времени дискуссиям со своими друзьями из России на тему о месте России в мировой истории в настоящее время. Стержнем этого диалога был слабо освещенный, но центральный вопрос о научном методе. Как неоднократно подчеркивал автор, для него, как и для Г.В.Ф.Лейбница, реальность находится не в пределах редукционистского понимания предмета как такового, но скорее в той области, которую Лейбниц именовал *Analysis situs* (лат. - анализ положения). Под этим термином автор, следуя Лейбницу и Бернхарду Риману, подразумевает действующий принцип вселенной, и именно тот, который аксиоматически лежит вне понимания современной общепринятой математики: определяющие отношения, господствующие в области, где функционально расположен объект, - типичным образом здесь служит понятие универсально действующей "не-энтропии".^[3] Дискуссия продемонстрировала, что это понимание *Analysis situs* является тем самым "гвоздем в кузнице", из-за отсутствия которого "погибло королевство".^[4]

Эти дискуссии с русскими друзьями сконцентрировались вокруг проблем, порожденных тем обстоятельством, что по вполне понятным историческим причинам мало кто из даже, казалось бы, высокообразованных сегодняшних русских осведомлен о ключевых фактах, касающихся отношений своей страны с Венецией, Британской империей, США и континентальной Западной Европой на протяжении последних трехсот лет.

Точно так же и за пределами России, во всех уголках Северной и Южной Америки и Европы, которые исследовал автор, даже прославшаяся как наиболее образованная часть населения всех стран, включая нынешние США, насквозь пропитана более или менее популярными политическими вымыслами, придуманными из идеологических соображений вместо честных исторических объяснений. То же можно сказать сегодня и о России: многие русские, считающиеся высокообразованными, становятся, за небольшим исключением, жертвами беллетристической "кулинарии", когда речь заходит о фактах международной политики, хорошо известных американским и западноевропейским исследователям. Особенно популярна подобная беллетристика на историческую тему в романтическом жанре в духе "крови и почвы", образцы которого, в наиболее крайней форме, представлены такими авторами, как московский пропагандист периода второй мировой войны И.Г.Эренбург - эта литературная карикатура на самого себя.^[5]

В дополнение к дискуссиям с друзьями в России в течение последних лет, многое из этой псевдоисторической беллетристики, сочиненной в России и по поводу России, глубоко и широко обсуждалось автором и его коллегами в последние три десятилетия, с точки зрения известных исторических фактов соответствующего периода. В основном эти изученные нами примеры обнаружили свою мифологическую или полумифологическую сущность,^[6] будь то произведения апологетов позднего царизма, предсталинского, сталинского или постсталинского этапов развития большевистского режима, либо плоды свежепробудившейся страсти фактически оккупационных властей после 1991 года к примитивным социально-экономическим догмам, либо нечто, состряпанное с целью эклектического сочетания чего-то из вышеназванных вариантов. И чем более эти построения отличаются друг от друга, тем больше видна их общая суть - отдельные разбросанные факты, смешанные со сказками, заполняющими пустоты, оставшиеся после предварительного удаления огромных массивов относящихся к делу фактов.^[7]

Осознавая всю мифологичность этих беллетристических заблуждений (основанных на ошибках в постановке вопроса), которые столь многие образованные русские берутся отстаивать как факты, обосновывающие патриотизм, мы однако не сможем разобраться с соответствующими проблемами взаимного непонимания в американо-российских отношениях, не принимая во внимание и встречное невежество - порождение общепринятой догматики, царящей среди тех западноевропейских и американских кругов, которые формируют политический курс. Проблема состоит не только в том, что с обеих сторон на место российской истории ставятся всяческие мифы; лишь горстка ведущих стратегов и их советников как с "западной", так и с "восточной" стороны, обладают пониманием всемирной истории, которым современная мировая цивилизация должна руководствоваться, чтобы выжить.

Этот опыт продемонстрировал, что где бы ни возникало обсуждение этих проблем, дискуссия, как правило, увязает в отчаянной защите множества разнообразных, частных, не связанных друг с другом популистских псевдоисторических мифов. Но еще хуже то мировоззрение, которое неявно скрыто в комбинации таких несовместимых мифов и которое деформирует нынешнюю политику России и по отношению к России.

В частности, если и покуда дискуссия не сосредоточится на фактах, которые обладают достоверностью решающего эксперимента, и эта позиция позволит более или менее последовательно упорядочить понимание наиболее важных проблем, то нет надежды на какую-либо рациональную политику в России или США в плане американо-российских отношений. В свою очередь, сам по себе этот успех не наступит. Успеха не будет, если и покуда эти ключевые факты не будут рассматриваться с точки зрения принципов всемирной истории, с которыми должны быть соотнесены все отдельные "истории" и с позиции которых можно выносить суждения об этих "историях".

Именно таким образом следует подходить к ключевым стратегическим аспектам американо-российским отношений. Политика США по отношению к России, связывающая себя с "реформами", чревата близкой стратегической катастрофой, глобальным бедствием для всех, кто имеет к этому отношение. Необходимо предложить новый, вносящий необходимые коррективы концептуальный подход к истории американо-российских отношений в XX веке. Упомянутые дискуссии автора с друзьями в России предоставляют тот "задний план", на фоне которого возможно изложение ключевых проблем.

Для понимания современной ситуации в России следует начать с перечисления решающих проблем российской истории XX века, вплоть до настоящего времени. А именно:

Последовательность событий китайско-японской (1894-1895) и русско-японской (1905) войн, роль дирижера в которых играл Лондон,^[8] обусловила революцию 1905 года в России. Те силы в России, которые могли противостоять самоубийственному вступлению России в первую мировую войну, - силы, представленные графом С.Ю. Витте, были отстранены от власти. Сами себя обрекли на гибель институты николаевской России были охвачены безумием. Это, как и следовало ожидать, быстро закончилось адом. В 1917 году старый порядок в России скончался от последствий болезни, которую он сам себе навязал, - болезни, именуемой панславизмом. Большевики захоронили труп. Затем, при большевиках, налетели, как саранча, бухаринские нэпманы. Сталинское руководство похоронило и их. Десятилетия спустя режим большевиков был, в свою очередь, свергнут.

В истории перемены неизбежны, однако некоторые перемены, равно как и отсутствие перемен, являются роковыми. Как это происходит и в России 1993-96 гг., тот вид бездействия, который выражается в приверженности ранее установившемуся стереотипу "политического мышления", или, говоря американским языком, "мэйнстриму", часто закономерно оказывался источником наиболее разрушительных перемен, подобно неизлечимому раку.

Институты царской России уничтожили собственную способность к выживанию. Подхватив "французскую болезнь" в объятиях Антанты, они подверглись французскому же методу лечения "coup de grace".^[9] Когда пришла пора петь зауспокойную режиму попавшего впросак Николая II, вопрос для России встал так: кому под силу похоронить коррумпированные учреждения, которые общими усилиями привели Россию в 1914-17 гг. к разрушению, в итоге продиктованного "панславизмом" альянса России с англо-французскими поджигателями войны? За это дело взялся Ленин.

Выкорчевывание прогнивших институтов старого режима было необходимой переменной; вопрос в том, не стали ли побочные эффекты большевистского лечения новой болезнью? Сейчас мнимые наследники дерутся между собой за наследство, в то время как труп большевизма так и не получил достойного погребения. Представляется разумным предположить, что до тех пор, пока большевизм не будет достойно погребен и над его гробницей не будет произнесено правдивое надгробное слово, Россия будет пребывать в состоянии исторического чистилища, так и не став нацией-государством.

Русские, в особенности большевики-патриоты старшего поколения, могут сказать, что Ленин был необходим, ибо при той степени, до которой разложились царские учреждения, кто еще мог управлять в хаосе, создавшемся в результате глупого союза, заключенного Россией с западными союзниками для войны с Германией?^[10] Они сказали бы, что большевизм, при всех его грехах, подобно шекспировскому Отелло, "сослужил некоторую службу государству", и этот факт по большому счету не смогли бы отрицать честные люди как в России, так и за рубежом.

Такие русские патриоты пожелали бы того, чтобы сказано было: Россия в своем "марксистском" воплощении тоже умерла. Они бы добились признания того, что Россия Ленина и Сталина умерла от побочных эффектов большевистского лечения, которое ранее сохранило ее от распада. Эти патриоты настаивали бы на том, чтобы история излагалась честно, чтобы были признаны определенные достижения, некоторые из них - героического масштаба. Эти патриоты хотели бы, чтобы мы признали: "Несомненно, были ошибки, но не хуже, чем те, что были допущены гнилыми институтами времен Николая II. Давайте согласимся честно воздать истории должное; пойдем, в чем состояли грехи того времени, чтобы мы смогли сейчас идти вперед по нашему историческому пути, не повторяя тех ошибок, которые привели к саморазрушению режимов прошлого?"

Таковы ключевые факты в их чистой, описательной форме. Сопереживающее уважение к правдивым фактам - преддверие мудрости в любом вопросе. В чем же та существенная истина, которая стоит за этими сопереживаемыми фактами?

Как всякая история, история России не может быть должным образом понята иначе как с позиции честного подхода к всемирной истории. В свете мировой истории прекрасно и верно находят свое место видимые сложные хитросплетения последних 90 лет истории России (1905-1996), равно как и наиболее важные события предшествующих эпох. И в том числе, становится понятен центральный порок большевизма.

Как хорошо понимали в кругах российского культурного Возрождения XIX века, в тех кругах, с которыми был связан великий Пушкин, в окружении Императора Александра II, в той среде, где работали великий химик и строитель железных дорог Д.И.Менделеев и крупнейший государственный деятель начала XX в. граф С.Ю.Витте, проблема России состояла в том, что старая культура олигархической России, связанная крепостным правом, отчаянно сопротивлялась фундаментальным требованиям *универсальной* сущности человека, свойственной каждому человеку на Земле. Олигархические институты, которые оправдывали сохранение крепостничества или былую терпимость к нему в России, тем самым отрицали тот принцип, что каждый человек, в том числе русский, создан по образу Бога-Творца, что сущность и прямой интерес каждого человека определяются тем, что он наделен способностью развития и потребностью в развитии творческого потенциала, который мы ассоциируем с научным, технологическим и культурным прогрессом. Все великие государственные деятели России посвящали себя освобождению русских от гнета тех институтов, которые основывались на вавилонской, диоклетиановской, юстиниановской олигархических традициях империализма, - в том виде, в каком это порочное наследство выражало себя в тех институтах России, которые так долго держались на измученных плечах крепостных.

Как видно на примере великого Вернадского, большевики частично переняли традиции государственных деятелей и поэтов предшествующего периода: они стремились построить общество, воспроизводящее модель нации-государства, впервые воплощенного Людовиком XI во Франции, и содержащее отзвук проекта, разработанного отцами-основателями США, основанное на всеобщем гражданстве, с первостепенным вниманием к качеству всеобщего обучения, необходимого для повышения всех производительных сил труда через инвестиции в научно-технический прогресс.^[11] История Вернадского, специалиста в геобиохимии и ядерной физике, иллюстрирует суть дела: ни один честный исследователь не будет отрицать, что в области физических и других естественных наук, включая биологию, Советская Россия внесла долговечный вклад в историю человечества.

Трагично, что сегодня внешние и другие заинтересованные силы делают все возможное для того, чтобы, в конечном счете, уничтожить эту традицию взращивания научного прогресса, которая составляла основное интеллектуальное богатство, подаренное Советской Россией и самой себе, и человечеству в целом. Трагично, что правительство США, как и другие виновники "реформаторской" политики в период после 1989 года, возможно, пожнет бурю, посеяв из корыстной прихоти этот ветер, обрушенный ими на агонизирующий Советский Союз. Низкие, аморальные существа наподобие баронессы Маргарет Тэтчер и финансируемого сектой Муна экс-президента США Джорджа Буша, не осознают тот факт, что

цивилизированные страны, одержав победу, не отмечают ее изнасилованием жен, родителей и детей поверженного врага, подобно реформе Тэтчер-Буша.

Итак, определив интересующий нас предмет, мы очертили область исследования, в которой личный авторитет автора этих строк как специалиста в области физической экономики сегодня достаточно уникален. В качестве наиболее подходящего и недавнего примера из последних произведений автора мы рассмотрим ниже трактовку предмета *Analysis situs*, предпринятую в докладе автора "Деградация - от Человека до Буша", посвященном человеческой эволюции. С помощью этой ссылки мы далее рассмотрим общий порок марксистской экономической науки и догматики британской школы Хейлибери,^[12] из которой Маркс, в значительной мере под влиянием своего куратора Дэвида Уркорта^[13] и, соответственно, под влиянием писаний бесноватого физиократа Франсуа Кенэ,^[14] сконструировал свою собственную редуccionистскую доктрину экономической науки. Тот же общий принцип радикально-позитивистского иррационализма обнаруживается в центре догматов "экономической теории", "теории мозга" и "системного анализа" приверженцев лорда Бертрона Рассела Норберта Винера ("информационная теория") и Джона фон Неймана ("математическая экономика").^[15] Если не принимать в расчет внешние обстоятельства, такие, как давление военной экономики, выявленные таким образом проблемы являются ключевыми для понимания аксиоматических корней провалов советской экономической доктрины и соответствующей методологии, имеющих серьезные последствия в постсоветское время.

Многие русские, как те, кто имел влияние в советский период, так и приобретшие влияние под патронажем Международного Республиканского Института NED^[16] и подобных зарубежных учреждений, ринулись, ведомые скорее корыстью, чем интеллектом, за "новыми идеями" на Запад. Получилось неблагоприятное зрелище, напоминающее осаду голодными безработными из оккупированной страны продовольственных обозов армии-оккупанта. В стремлении быть "постсоветскими" остался забытым тот факт, что именно моральное разложение всех ведущих институтов царской России 1916-17 годов позволило большевикам Ленина захватить власть. Следовало приложить более энергичные усилия к тому, чтобы раскрыть истинные, аксиоматические причины крушения советского общества. Вместо этого многие слепо увлеклись апологетикой различных разновидностей того безумия, посредством которого печально известная баронесса Тэтчер разрушала экономику Великобритании, и родственных фашистских идеологических построений основанного покойным Фридрихом фон Хайеком Монт-Пелеринского общества, защищающего неофеодализм.

"Звезда" Гарвардского университета Джордж Сантаяна однажды произвел на свет академический афоризм: "Те, кто не извлекает уроков из истории, обречены на ее повторение". С этих позиций можно рассматривать и гнилость институтов России Николая Второго 1905-17 гг., и то сочетание взлетов и падений, достижений и заблуждений, которое было свойственно как старой России, так и советской системе. Итак, начнем с заблуждений, общих для экономической доктрины и практики обеих систем (царской и советской), не забывая также об обреченных простофилях во всем мире, одуроченных леди Тэтчер.

Товары не производят товары

Наиболее достоверное подтверждение принципа, которым определяется надлежащее подчинение всей историографии принципу всемирной истории,^[17] заложено в уникальной особенности экспериментального факта, привлекаемого из физико-экономической науки. Именно этот принцип является основополагающим для понимания изначальной несостоятельности и неизбежной обреченности того, что британский догматизм выдает за "западную цивилизацию". Он также является ключом для понимания вполне определенного главного фатального порока экономической и социальной политики, присущего советской системе.

Источником формальной несостоятельности всех редуccionистских форм экономической доктрины, включая и общепринятую теорию бухгалтерского дела, и экономическую теорию Маркса, является несостоятельность ныне преобладающего, даже если не явно выраженного, аксиоматического предубеждения в экономических и иных кругах о том, что "товары производят товары".^[18] Так, и в толстом томе "Капитала" Маркса, и в тоненькой брошюрке "Производство товаров товарами" Пьеро Сраффа из Кембриджского университета такого рода математическая экономика, разработанная как система одновременно выполняющихся линейных неравенств в стиле Леона Вальраса,^[19] подразумевает абсурдный тезис о том, что линейное "рабочее время" или линейно представляемая "рабочая сила" являются всего лишь "еще одним" элементом перечня материальных затрат в процессах производства.

Построим ключевое экспериментально-физическое доказательство с точки зрения следующих двух преемственных понятий. Вначале определим общую отличительную черту - способность к сознательной деятельности,^[20] которая является критерием (качественного) отличия и превосходства человека над всеми остальными биологическими видами, которые находятся по сравнению с человеком на абсолютно более низком уровне. Затем, при помощи показателей физической экономики, найдем то особое качество природы человеческого индивида, которое является основным средоточием этого действенного отличительного физического принципа.

Первый ряд доказательств представлен сочетанием археологических и исторических свидетельств. Они говорят нам о росте потенциальной относительной плотности населения человечества и, соответственно, спектра характеристик продолжительности жизни,^[21] физической производительности и уровня жизни. Это свидетельство не только выводит человечество как биологический вид из компетенции экологии, но и устанавливает принцип сознательной деятельности как принцип, обеспечивающий это демографическое саморазвитие человеческого общества.

Второй ряд доказательств позволяет нам сосредоточиться на природе этого принципиального, сознательного отличительного признака человеческого индивида, объясняющего качественное превосходство человека над всеми прочими видами. Используем аргумент, предложенный автором в его докладе "Деградация - от Человека до Буша". [22]

"Обратимся вначале к экономике, а затем непосредственно определим соответствующий принцип для любой дедуктивной детерминистической математики.

Относительно любой экологической доктрины, отличие, которое выводит человека за пределы компетенции так называемой экологии, состоит в функциональном характере изменчивости потенциальной относительной плотности человеческого населения. [23] Тип этой вариабельности мог бы рассматриваться как тип "генетически" предопределенного характера, что экспериментально приемлемо (в прагматическом первом приближении) при сравнительном изучении популяций видов, низших по сравнению с человеком. Однако экологический потенциал человечества изменяется, в результате чего человеческий род представляет собой как бы последовательность видов в процессе эволюции по восходящей, а побуждение к постоянной эволюции по восходящей, в отношении поведения и характерной потенциальной относительной плотности населения, является отличительной характеристикой человеческой природы - отличием, которое выводит человечество как вид за пределы компетенции экологии.

Причина этого прогресса в потенциальной относительной плотности населения обнаруживается в реализации человеком на практике определенных подтвержденных фундаментальных открытий принципов природы. Сразу же приходят в голову экспериментально подтвержденные открытия физических принципов, результаты которых нам отчетливо видны в проявлениях прогресса в прикладной науке и технике. Но в число таких открытий следует включать также принципы, лежащие в основе классических форм поэзии, драмы, музыки и пластических искусств, которые послужили источником прогресса человечества в государственном управлении и сопредельных областях.

Каждое из этих подтвержденных открытий имеет значение дополнительного "измерения" в процессе восхождения от n -мерного римановского физического пространственно-временного многообразия [24] к $n+1$ -мерному многообразию. Это повышение *мощности* [25] физического пространственно-временного многообразия соотносится с ростом потенциальной власти человечества (общества) над природой и с сопутствующими этому тенденциями не только к росту потенциальной относительной плотности населения, но также и к улучшению показателей продолжительности жизни и к повышению уровня и качества жизни семьи и индивидуума.

Реализация этого прогресса в технологии и искусстве государственного управления требует абсолютного роста необходимого физического и сопутствующего потребления на единицу рабочей силы, на домохозяйство и на квадратный километр соответствующей земельной площади. Однако в условиях успешно функционирующих национальных хозяйств повышение физической производительности более чем возмещает этот прирост в показателях "энергии системы". Результат состоит в том, что в хорошо управляемом обществе отношение "свободной энергии" к "энергии системы" не снижается. Напротив, оно имеет тенденцию к увеличению, несмотря на рост необходимого физического объема (в расчете на душу населения и на квадратный километр) рыночных корзин для рабочей силы, домохозяйств, базовой экономической инфраструктуры, образования, здравоохранения, научных и технических услуг, производства и распределения. Короче говоря, трансформация на пути от "затрат" к "выпуску" является "неэнтропийной". [26] Этот выигрыш в относительной неэнтропии является единственным постоянно воспроизводимым источником истинной прибыли в экономике.

Движущая сила, стоящая за этой неэнтропийной функцией, не может быть сведена к корреляции между затратами и выпуском. Соответствующая движущая сила - это человеческий разум, единственный источник этой неэнтропии.

Эта неэнтропийная отличительная характеристика действия индивидуального человеческого разума в такой же мере определяет смысл понятия эволюции, в какой она принципиальна для различения научной и ненаучной форм политической экономии. В противоположность радикально-редукционистской "мозговой" догматике питомцев Рассела-Н.Винера и Дж. фон Неймана, определить эту неэнтропийную функцию индивидуального человеческого разума в терминах любой из общепринятых форм школьной математики невозможно. Аксиоматическая несостоятельность математики в том виде, в котором она преподается сегодня, являет собой самую потрясающую экспериментально-физическую демонстрацию актуальности указания Лейбница о необходимости разработки обобщенного Analysis situs. В сегодняшней математике этот принцип можно сформулировать для овладения математическим пониманием, только если выйти на те рубежи, первопроходцем которых был Риман в своей знаменитой квалификационной диссертации.

Совокупность физических затрат, вкладываемых в экономический процесс, есть характеристика некоторого состояния физического мира; совокупность физических продуктов этого процесса также есть характеристика некоторого состояния физического мира. Тем не менее, с точки зрения философа-материалиста или любого редукциониста со времен Парменида Элейского, то, что устанавливается нами в качестве "причины" трансформации, связывающей эти два последовательных состояния, для них является якобы непозволительным *метафизическим* вторжением неэнтропийных познавательных процессов индивидуального человеческого разума.

Таким образом, именно связь управляющего "неэнтропийного" вмешательства индивидуального человеческого разума с производственным процессом определяет соотношение между "входами" и "выходами" этого процесса. Это классическая демонстрация необходимости Analysis situs, существующего только вне дедуктивной детерминистической формы математики и выше ее. [27]

Обратите внимание на то, в какое затруднительное положение мы поставили математического физика твердолобой породы. Методологическая точка зрения экспериментальной физики, в отличие от "башни из слоновой кости" математического формализма, ставит нас перед фактом существования действенной познавательной неэнтропии как феномена *отношения* - отношения, которое не предусмотрено существующей математической физикой. Как мы покажем ниже в соответствующей связи, демонстрация существования этого "отношения" как физически действенного удовлетворяет самому мощному стандарту научной достоверности, достижимому в любой области науки. Этому отношению нет места нигде в рамках общепринятой школьной математики; это отношение запрещено догмами повсеместно преподаваемой математической физики. И тем не менее, оно существует!

Реакция формалиста на эту парадоксальную ситуацию должна напомнить нам зрелище, если бы преподавателя по биологии обязали убеждать своих студентов в том, что мы еще не имеем статистически достоверных данных о возможности существования человеческого познания. В ответ на полученное нами доказательство существования этого отношения, которое математика формалиста намеренно игнорирует, он заставил бы нас выйти к классной доске, чтобы мы вывели это отношение в терминах его математики! Знаменитое ложное математическое определение "негативной энтропии" покойного профессора Норберта Винера - яркий пример такого убогого кривлянья редуccionиста.[28]

Решающее значение имеет то, что неэнтропия не является особым условием, которое можно сконструировать в границах общепринятой школьной математики. В последней она фигурирует только в качестве сбивающего с толку парадокса.[29] Этот принцип существует и действует, однако только за пределами области, воспринимаемой этой математикой. Когда такие парадоксы вступают в противостояние с математикой, научной катастрофы удастся избежать путем преодоления ограничений такой математики; таким образом проявляется компетентность, благодаря осознанию того, что мы, на основании этих свидетельств, обязаны подняться в более высокую область, к которой Лейбниц применял термин *Analysis situs*.

Это отношение, в пределах более высокой области *Analysis situs*, является характерной чертой той науки физической экономики, которую основал Лейбниц, что видно уже из содержания его статьи "Общество и экономика" (1671).[30] Парадокс того же рода бросает вызов математику, обращаясь к этому действенному, неэнтропийному отношению, именуемому жизнью.

Как только мы, исследуя эволюцию, помещаем человека в центр функционального отношения, мы вновь сталкиваемся с той же проблемой *Analysis situs*, которую представляет жизнь, но на онтологически более высоком уровне. Характеристика человеческой природы, проявляющаяся в последовательном приросте потенциальной относительной плотности населения, представляет собою тот же самый неэнтропийный принцип, отличительный принцип индивидуального человеческого разума, т.е. концепцию, которую затмевает ехидный формалист, отмахиваясь от "власти разума над материей" как от "парадокса".

Это "искусственное", целенаправленное повышение потенциальной относительной плотности населения, достижимое подобным образом, ставит продолжение существования человечества на достигнутом уровне в зависимость от требований, которые диктует моральный износ технологий. Полезным мнемоническим приемом была бы переформулировка этого положения для читателя в виде клича: Чем выше поднимается человек от животного состояния высших и низших обезьян и питомцев Буша, тем в большей степени существование человека зависит от того, насколько он человек. Это требование, выполненное указанным образом, отражает *человеческую природу*, вопреки произвольным догмам Томаса Гоббса, Джона Локка, Пьера-Луи Мопертюи, Джамарии Ортеза и т.п. Это природа отношения между человеческим родом в целом и вселенной в целом. Эта характеристика человечества как биологического вида заложена в тех поддающихся развитию творческих потенциях, которые хранятся в суверенном вместилище познавательных процессов человеческого индивида.

В этом состоит, по терминологии Лейбница, *необходимое и достаточное основание* для продолжения существования человеческого рода. В этом состоит тот принцип сознательности.[31] который определяет значение и мощь концепции всемирной истории. Именно принятие этого принципа отличает историка от таких тенденциозных сплетников со стажем, как покойный Илья Эренбург.

Не существует иной "человеческой природы" у любой группы человеческого рода, русской или иной, которая соответствует иному стандарту историографии, любому стандарту, противоречащему рассмотрению человечества в целом, ибо историческая наука - наука всеобщая, которой в равной степени подвластны все народы без исключения. Это вытекает из того факта, что все люди наделены одной и той же уникальной человеческой сущностью, которая отличается у разных людей или разных культур только по уровню развития (или, наоборот, по недостаточности развития) принципа сознательности.

Между всеми и каждой, взятой в отдельности, частью человечества и человечеством в целом существует взаимная связь. Развитие в смысле осуществления научно-технического прогресса, проявляющегося в повышении потенциальной относительной плотности населения (как отдельного общества, так и практически человечества в целом), есть то, что человеческий род требует от каждой культуры, от каждого представителя человечества в целом. Таким образом, первостепенная потребность людей любой культуры, потребность каждого отдельного человека состоит в реализации личного и общекультурного саморазвития, которое соответствует указанной взаимной связи между человечеством как историческим целым, с одной стороны, и индивидуальной культурой и личностью в рамках этого целого, с другой.

Стержнем всего этого является развитие уникальных познавательных процессов и возможностей каждого индивида с тем, чтобы он был способен, во-первых, усваивать содержание многообразия тех принципиальных открытий, которые выражают достигнутый на данный момент прогресс человечества в области действенного знания, и, во-вторых, обладать возможностью участвовать в дальнейшем прогрессе своего общества, человечества и самого себя, в качестве действующего, сознательного участника всемирной истории.

Этот моральный принцип нашего вида не меняется, когда мы переходим в своем исследовании от одной культуры или национальности к другой. Все люди обладают теми же сущностными видами потребностей, которые отличаются, по определению Лейбница ("Экономика и общество", 1671), постольку, поскольку разная степень культурно-экономического развития и географическая локализация общества определяет его потребности в конкретном, функциональном смысле. Разумного основания для оправдания политики "нулевого технологического роста", типа той, что подразумевалась пресловутым Кодексом Диоклетиана, не существует. Приемлемое разнообразие человеческих потребностей ограничено отсутствием каких-либо разумных и моральных оснований для того, чтобы терпимо относиться к "культурному релятивизму", защищающему те вырождающиеся культуры, "традиции" которых включают каннибализм, охоту за скальпами, человеческие жертвоприношения и тому подобные мерзости. Точно так же мы не можем терпимо относиться к какой-либо "традиционной" или иной "обычной" практике рабства, крепостничества или "анти-познавательных" черт в образовании, - к любой практике, наносящей ущерб функционированию тех творческих мыслительных процессов, в которых действительно выражает себя вселенская сознательная природа человеческого рода.[\[32\]](#)

Мерило качества той или иной культуры - потенциальная относительная плотность населения - определяет, таким образом, какие культуры следует рассматривать как относительно превосходящие, а какие - как относительно отстающие, или даже порочные. Нет никаких разумных оснований для того, чтобы терпимо относиться к любой точке зрения, противоположной этой.

Отличительной чертой человеческого рода является Разум, в том смысле этого понятия, который мы здесь косвенно определяем. Никакой прихоти, вроде харизматического импульса или предполагаемой традиции, не может быть позволено встать выше власти Разума. Никаким побуждениям, проистекающим из чувственных вожделений (вроде традиций приверженности понятиям "крови и почвы"), цивилизованное общество не может позволить покуситься на сферу Разума, как естественного права, которому в равной мере подчинено, соответствующим образом, каждое общество.

Таковы наиболее важные соображения, предложенные разумному сознанию перед лицом трагических заблуждений, которые в настоящее время влекут человеческий род к быстрому провалу в худшее из темных средневековий в известной истории человечества. Мы вновь вернемся к этим ключевым проблемам позже, определив вначале понятия "Analysis situs" и "неэнтропия" в свете того, что неискушенные (и не только неискушенные) люди ошибочно принимают за математическую физику.

Римановское понятие гипотезы

Соотношение между так называемой математической физикой и Analysis situs восходит к принципу *гипотезы* в понимании, предложенном Платоном и его Афинской академией, в частности, для последовательной систематизации подлинных работ Евклида. Точка зрения, которую здесь представляет автор этих строк, была сформулирована в знаменитой квалификационной диссертации Римана, на которую имелись ссылки выше.

Римановское понятие последовательного упорядочения физических пространственно-временных многообразий, упорядоченных по относительной математической мощности, определяет то, что именуется структурой гипотез. Понятие Analysis situs заключается, по отношению к формальной математической физике, в принципе упорядочения, лежащем в основе многообразия, представленного этой римановской структурой последовательно упорядоченных гипотез, многообразий "кривизны" более высокого порядка или более высокой мощности. Этот принцип есть то, что связано с понятием "высшей гипотезы" в диалогах Платона. Этот основополагающий принцип соответствует функциональным понятиям Analysis situs, введенным Лейбницем.

Рассмотрим эти взаимосвязи в русле зрения серии определений.

Каждое относительно жизнеспособное направление науки после XIV века начинается с того, что в период Золотого Возрождения утвердилось в качестве центрального принципа экспериментальной физической науки - подтверждения (посредством решающих измерений) естественных закономерностей, открытие которых опровергало шаблоны установившихся воззрений.[\[33\]](#) Во всех жизнеспособных направлениях современной науки развитие математики, соответствующей экспериментальной физике того периода, не проистекало из слепой веры в так называемые "натуральные числа"; ее источником была, как подчеркивалось в позиции Римана, классическая греческая геометрия: понятие постижимого, совершенствуемого, цельного, последовательного принципа, определяющего измерение протяженности в физическом пространстве-времени.[\[34\]](#) Только с точки зрения протяженности физического пространства-времени возможно установить, не подвела ли нас в очередной раз свойственная безграмотным слепая вера в простое подсчитывание.

Определяющей темой в экспериментальной физической науке является тема наглядно демонстрируемых аномалий - измеримых явлений, которые упорно воспроизводятся, бросая от имени вселенной высокомерный, непоколебимый вызов

предполагаемым авторитетам. Именно явное указание на неявное значение таких аномалий отделяет классическую греческую науку, которая берет начало с деятельности платоновской Академии, от всех более ранних достижений эмпирической науки, прежде всего от эмпирической прото-науки Древнего Египта, существовавшей до падения Египта под влиянием того, что было впоследствии названо культом Исиды. Все, что сегодня достойно называться наукой, основывается на методе гипотезы, разработанном в диалогах Платона, в особенности в тех из них, которые мы сейчас признаем поздними. [35]

Сократический метод гипотезы Платона служит источником всей современной науки как первая из известных исчерпывающих попыток надежно перенести вопрос о знании в область *платоновских идей*. Это освобождает мысль человека от животной привычки опираться на чувственную достоверность и позволяет ему исследовать внутренний механизм познавательных процессов, регулирующих порождение тех концепций, которые высказываются в качестве тезисов или даже предполагаемого знания. Можно поставить типичный сократический вопрос: *в чем состоят предположения, которые лежат в основе выбора определенных тезисов (суверенными) познавательными процессами индивидуального разума?* Рассмотрим сейчас применение этого сократического метода в геометрии.

Кратко: результатом применения сократического метода к положениям [36] и предполагаемым доказательствам геометрии является множество определений, аксиом и постулатов такого типа, как, например, в "Началах" Евклида. Это множество взаимодействующих, основополагающих допущений составляет *гипотезу*. Следовательно, во всех своих проявлениях сократический метод Платона, в отличие от метода его оппонента Аристотеля, представляет собой тот же *метод гипотезы*, который был использован Лейбницем и затем положен в основу квалификационной диссертации Римана.

Сформулированный Николаем Кузанским четкий принцип экспериментальной физической науки, восходящий к трудам Платона, Архимеда и других, сосредоточен на применении экспериментальных методов измерения в качестве поддающихся обобщению средств проверки относительной достоверности двух взаимоисключающих гипотез относительно физической структуры нашей Вселенной. Какая гипотеза внутренне соответствует разрешению упорно не желающей исчезать экспериментальной аномалии? Понятие Гаусса о доступном обобщении экспериментальном принципе кривых поверхностей, мастерский экспериментальный метод, примененный коллегой Гаусса, Вильгельмом Вебером, и фундаментальные открытия принципа Бернхардом Риманом представляют венец реализации принципа экспериментальной физической науки Николая Кузанского вплоть до начала настоящего столетия.

Прогресс науки, если его рассматривать с этой многообещающей точки исторического отсчета, в каждом случае происходит как преодоление одного из двух типов заблуждений в рамках установившегося научного мнения: либо попросту ложного суждения, либо заблуждения, связанного с узостью господствующей гипотезы. В обоих случаях применим метод измерения в экспериментальной физической науке, разработанный Николаем Кузанским. Центральный принцип физической науки состоит в применении принципа измерения для проверки того, какая из представленных несовместимых гипотез (если таковая существует) отвечает, характерным образом, результатам соответствующего измерения в решающем эксперименте. Используя гауссов язык, мы измеряем кривизну многообразия физического пространства-времени, подразумеваемого соответствующей гипотезой. [37]

Таким образом Лейбниц высмеивал несостоятельность математических методов Рене Декарта и Исаака Ньютона, требуя введения, вместо этих методов, математики трансцендентной области. [38] Утверждение Лейбницем приоритета трансцендентной физики, а также предвосхищением и Иоганн Бернулли принципа физической относительности [39] ознаменовали накопление изменений в гипотезе, уход от упрощенческого вывода чисто алгебраической математики, происходящего из наивного прочтения гипотезы, которая лежит в основе евклидовой геометрии. Следующий принципиальный прорыв, осуществленный Риманом, был основан прежде всего на предшествующих работах Гаусса. Римановская революция в науке обязывает нас по-новому и значительно более глубоко осмыслить то, что именуется "структурами теорем", и в этом ее первостепенное значение.

Это открытие принципа, сделанное Риманом, открывает перед нами образ научного прогресса как последовательности разрывных переходов от одной гипотезы к другой, относительно более высокой. Для наглядности используется усовершенствованное евклидово представление о некотором фиксированном множестве взаимодействующих определений, аксиом и постулатов. Эта последовательность в целях экспериментального измерения обычно характеризуется модифицированной теоремой Пифагора, получившей ту общую форму, которая связана с римановской революцией в понимании гипотетических оснований геометрии. Эта модифицированная теорема Пифагора рассматривается с позиции гауссова обобщения понятия кривых поверхностей и соответствующих ссылок на развитие Гауссом, в целях экспериментальных измерений, понятия биквадратных вычетов сверх первоначального изложения в его "Disquisitiones arithmeticae". [40]

Таким образом, на примере и Римана, и Платона, представление об упорядоченной последовательности все более и более мощных гипотез открывает перед нами следующие образы.

Мы начинаем с того дополненного понятия о евклидовой гипотезе, которое дает нам открытие Римана. Затем мы определяем дедуктивную форму евклидовой геометрии как некоторую структуру теорем, которая, предположительно, может быть неограниченно развернута и в которой связь между теоремами определяется общим для их всех отсутствием дедуктивной несовместимости друг с другом и всеми элементами множества определений, аксиом и постулатов

соответствующей гипотезы. Далее, сопоставляя пару различающихся гипотез, мы рассуждаем в плане сопоставления взаимных отображений[41] множеств определений, аксиом и постулатов, из которых состоят, соответственно, обе гипотезы.

Определившись с первоначальным сравнением пар гипотез, мы должны затем выйти за рамки математического дедуктивного формализма. Мы стремимся понять, какие измеримые физические различия имеются между эффективным поведением физических систем, соответствующих каждой из сопоставляемых нами формальных гипотез. Релятивистская точка зрения, вытекающая из определений изохронизма-гаутохронизма и связанного с этим эксперимента с брахистохроной, в свете работ Гюйгенса-Лейбница-Бернулли конца семнадцатого века, указывает нам нужное направление пути - направление, которому последовал Риман. Нам становится ясна эпистемологическая значимость и важность "относительной кривизны физического пространства-времени"; это направляет нас к нужным понятиям и проектированию соответствующих экспериментов, которые имеют непосредственное отношение к сопоставлению гипотез о физическом пространстве-времени.

В этом узлом пункте исследования нам следует вернуться к нашей отправной точке - к понятию ранжировки и соотносительного упорядочения дедуктивно несовместимых структур теорем. Мы таким образом определили область, из которой исключаются аксиомы Эйлера-Лагранжа 1741-1804 гг. в отношении непрерывности. Разрывы между сопоставляемыми структурами теорем (т.е. сопоставляемыми гипотезами) стали теперь для нас, как и для Лейбница в его так называемой "Монадологии", формальной концепцией, экспериментально-физические корреляты которой нам предстоит найти. В известной степени мы вознаграждены открытием того факта, что в "Монадологии" принимают развитую форму ранее изложенные вчерне идеи Лейбница относительно *Analysis situs*.

Применим к римановой последовательности гипотез то же требование, которое побуждает нас предложить гипотезу, соответствующую какой-либо дедуктивной структуре теорем в геометрии. Языком платоновского диалога "Парменид" можно сказать: что представляет собой "Единое", которое соответствует упорядочению "Множественных" элементов этой структуры гипотез, содержит в себе это упорядочение и лежит в его основе? Общим термином, содержащим ответ на этот вопрос, может быть "Высшая Гипотеза". В чем природа предположительного *содержания* такой более высокой гипотезы? Что соотносится, в пределах высшей гипотезы, с ролью взаимодействующих определений, аксиом и постулатов гипотезы для дедуктивной геометрии? В широком смысле ответ таков: "*Analysis situs*". В нашем случае: познавательный потенциал индивида - "неэнтропия" в противоположность "энтропии".

Для наглядности дополним это следующей небольшой иллюстрацией.

В других работах автор определил *Analysis situs* научного знания в целом со следующей точки зрения. Продукт познания, который мы называем "знанием", состоит из трех самостоятельных категорий наблюдаемых процессов, подлежащих рассмотрению относительно трех взаимоисключающих областей. Эти три процесса - "очевидно неживое", "очевидно живое, но без познавательной способности", и "познавательные процессы (живых существ)". Эмпирические данные, касающиеся *отношений*, подразделяются на: "астрофизику", "микрофизику" и "макрофизику". Так определяется таблица из девяти ячеек, отличных друг от друга. Карта комбинаций и перестановок отношений между этими девятью ячейками формирует структуру отношений; отношение, которое вмещает структуру этих комбинаций и перестановок, содержит в себе Высшую Гипотезу. Структура, определенная таким образом, есть *Analysis situs* Высшей Гипотезы; это поглощающее отношение и есть то, что Платон определяет как "выдвижение гипотезы высшей гипотезы".[42]

Здесь и в более ранних работах, начиная с 1948-1952, автор использовал сравнение между познавательными процессами научного и технологического прогресса в производстве и теми же творческими процессами в классических формах музыкальной композиции, в обоих случаях исследуя определяющую роль метафоры в классической поэзии и трагедии, как ключ к "триангуляции" природы суверенных творческих процессов индивидуального разума. Следует подчеркнуть сущностное различие, отмеченное средневековым композитором Рамоном Луллом в "*Ars Magna*", состоящее в том, что мощь индивидуального Разума сосредоточена в пределах активных функций, которые мы ассоциируем с памятью.

Итак, именно посредством памяти мы осознаем воспринимаемое. Иначе говоря, человеческая память не аналогична "памяти" вычислительной машины. Человеческая память функционирует в соответствии с принципом гипотезы; память - средоточие индивидуального познавательного суждения. Память управляется функциями, онтологически связанными с использованием *Analysis situs* в понимании, определенном нами выше. В "*Ars Magna*" Рамона Лулла видно очень тонкое понимание того, что нечто в этом роде (онтологически) существует. Развитие классических методов *Motivführung*,[43] начиная с моцартовского нового взгляда на "Музыкальное жертвоприношение" И.С.Баха и вплоть до последней песни из "Четырех серьезных напевов" Иоганнеса Брамса,[44] представляет собой самую применяемую из существующих моделей для демонстрации работы памяти. Все искусные музыканты играют по принципу, который великий дирижер - Вильгельм Фуртвенглер охарактеризовал как "исполнение между нот".

Упомянув об этом, сосредоточимся теперь на принципе упорядочения, подразумеваемом в "неэнтропийной", римановской, структуре гипотез, не рассматривая иных определений *Analysis situs*, кроме того, которое мы определили как "неэнтропию".

В чем состоит экспериментально-физическая основа, обеспечивающая *уникальную* демонстрацию этого неэнтропийного принципа *Analysis situs* в отношении человека к вселенной? В целом, в той мере, в которой риманова последовательность гипотез соотносится с повышением потенциальной относительной плотности населения, это соотношение показывает нам, что повышение математической мощности в форме подтвержденного знания физических

принципов повышает могущество человека во вселенной. Таким образом обнаруживается, что вселенная, так сказать, предначертана таким образом, что, если воля человечества выражена в виде доказанного открытия физического принципа, вселенная вынуждена, в этой возрастающей степени, подчиняться воле человечества. Одним словом, этот закон и есть закон, которому подчинена вселенная. Весь человеческий опыт, если выразить его через эту риманову последовательность, составляет, таким образом, уникальный эксперимент, который демонстрирует, что вселенная в целом по своей сути неэнтропийна.

Кто может убедительно отрицать этот факт? Все знание есть продукт человеческого разума - разума, который существует только в форме суверенных познавательных процессов человека-индивида. Вопрос о знании, следовательно, должен быть поставлен так: в чем заключается характеристика индивидуального мыслительного поведения, посредством которого общество повышает могущество человечества над природой, и каким образом мы можем описать целенаправленный мыслительный процесс, посредством которого вырабатывается это приращение могущества?

В этом контексте наиболее существенным и достойным внимания проявлением несостоятельности формальной дедуктивной математики является бездарная попытка математически определить ту отличительную характеристику процессов жизни и познания (соотношение *Analysis situs*, хорошо определяемое экспериментально), которая, в силу природы математики, не может быть описана языком любых ранее общепринятых, редукционистских форм дедуктивной математики. Нечистоплотный математик или его прислужник, вероятно, стал бы утверждать, что мы возродили противоречие между дедуктивной рациональностью и слепыми "прыжками веры". Напротив, суть дела в том, что дедукция не может преодолеть прыжком последовательные провалы (математические разрывы) неэнтропии, но тем не менее неэнтропия существует.

Проблема такого оппонента состоит в том, что он готов скорее отделиться от вселенной, чем подняться выше устаревшей математики, которая не может более объяснить экспериментальную реальность. Эпистемологический аспект, отличающий науку от формализаторского редукционизма, есть просто вопрос о признании этих свидетельств и конструировании новой математики, согласующейся с экспериментальными данными.

В этом вопросе "прыжок слепой веры" есть исключительно продукт истерического, харизматического заблуждения логика. Таким образом, можно сказать: там, где появляется одержимый дедукцией доктор Фауст, появляется законная добыча для харизматических чар подкрадывающегося Мефистофеля.

Как Лондон контролирует Москву

От этих необходимых предварительных выводов перейдем к решающему аспекту данного стратегического исследования. Приведенные нами примеры наглядно демонстрируют, что ни типичный американский, ни типичный российский специалист не знает, что представляло или представляет собой международное коммунистическое движение и каким образом это оказывает решающее влияние на перспективы американо-российских отношений в настоящее время. Однако нам также следует видеть в некоторых достижениях советского общества проявление того, что благородство, внутренне присущее человеческой природе, как мы ее здесь определяем, часто сопротивляется, а иногда и торжествует над теми идеологиями, которые иначе, по-видимому, добились бы господства над ведущими институтами таких стран, как Советский Союз или сегодняшние Соединенные Штаты.

Мы начинаем этот краткий обзор соответствующих аспектов коммунистической истории со ссылки на документ, который сейчас находится в распоряжении представителей автора - характерный официальный документ ФБР США, датированный 29 окт. 1973 года. Этот документ содержит переписку между нью-йоркским офисом ФБР и его Вашингтонским руководством. Речь в нем идет об использовании ФБР своих ставленников в руководстве Компартии США в плане по осуществлению "ликвидации" автора этих строк.[\[45\]](#) Хотя этот документ ФБР был предоставлен очень неохотно, по частям, и значительно позже, во исполнение процедур американского Акта о свободе информации, автору было известно уже по крайней мере в начале июля 1973 года, что его "ликвидация" является целью американо-англо-восточногерманской операции, разработанной не позже февраля 1973 года. Роль ФБР, МИ-5 и Штази была достаточно подтверждена фактами уже к январю 1974 года, когда "Нью-Йорк Таймс" была использована для проведения массированной кампании лжи, служившей "дымовой завесой" для ФБР.[\[46\]](#)

Как раз тогда представитель советской миссии в ООН назвал главу Компартии США Гэса Холла из Миннесоты "личным другом Леонида Брежнева".

Возьмите пример Анджелы Дэвис, протеже воспитанника Франкфуртской школы Герберта Маркузе - коммуниста, ставшего агентом OSS и ЦРУ, который, в свою очередь, сыграл ключевую роль в учреждении фондом Форда (возглавляемым Макджорджем Банди) будущей группы "Уэзермен" ("Синоптики"), культивировавшей ЛСД и терроризм.[\[47\]](#) Случилось так, что г-жа Дэвис играла некоторую роль в молодежной организации Компартии США, Лиге молодых рабочих за освобождение (YWLL), в период, предшествовавший тому времени, когда (с начала марта 1973 года) эта организация была использована для организации и проведения актов насилия против автора этих строк и его коллег, - еще за несколько месяцев до официальной даты составления вышеупомянутого документа ФБР.[\[48\]](#)

Отвратительно? Да. Странно? Удивительно? Отнюдь - для того, кто знает, как устроен мир. В свое время великий поэт Генрих Гейне, вхожий в парижский салон Джеймса Ротшильда, предупреждал своего знакомого Карла Маркса и прочих

наивных людей о том, что все левое движение вокруг "Молодой Европы" Джузеппе Мадзини представляло собой операцию, финансируемую крупнейшими банкирами, которых Гейне знал по собраниям типа парижского салона Ротшильдов.^[49] Как можно увидеть из знаменитых ранних произведений Гейне, где разоблачается романтическая школа и осуждаются Иммануил Кант и прочие^[50], эта догадка поэта была не случайной. Всякий, кто понимает истинную сущность человека, - а ее, с большей или меньшей точностью, понимает любой великий поэт, - признает, что нас, согласно нашей сущности, создают идеи, а не генетически предопределенные животные "британские" инстинкты баронессы Маргарет Тэтчер или бывшего президента США "бультерьера"^[51] сэра Джорджа Буша.

Тем не менее, когда такие факты сообщают неподготовленному человеку, он будет склонен неправильно их интерпретировать. Такая наивность встречается и в правительстве, вплоть до самых высоких уровней, и в других политических и научных учреждениях. Если, тогда и только тогда, когда аналитик достигает того уровня понимания этого вопроса, который продемонстрировал Гейне, то он осознает те глубинные процессы, которые контролируют судьбу наций.

Итак, когда же богатым олигархическим семьям такого рода, как спонсоры вышеупомянутой операции 1968-73 годов, удалось добиться контроля сверху донизу над руководством всех коммунистических партий и родственных им организаций в Америке и Европе? Ответ таков: намного раньше, чем где-либо на земле возникла первая коммунистическая партия. Теперь приведем относительно краткий обзор соответствующих фактов, а затем рассмотрим, в какой степени влиятельные семьи международной олигархии определили и *не определили* характер ленинской партии большевиков и историю советского общества после 1917 года.

Как Карл Маркс, так и основатели Советской России неоднократно подчеркивали, что предыстория современных коммунистических партий начинается с французских событий 1780-х годов, когда якобинская фракция Робеспьера, вкупе с орлеанским герцогом Филиппом "Эгалите", личным врагом Бенджамина Франклина, готовилась захватить власть во Франции. Карл Маркс отказался принять во внимание факты (как опубликованные еще до его рождения, так и представленные лично ему Генрихом Гейне) о том, что якобинцы, как и герцог Орлеанский, были агентами британской Форин Сервис, которой в тот период руководил Иеремия Бентам, назначенный, в свою очередь, лордом Лэнсдауном (знаменитым лордом Шелбурнским). Лорд Шелбурн из банка Бэрингс, детища Британской Ост-Индской компании, основал Форин Сервис в тот короткий период (1782-83), когда он был премьер-министром Британии.

Герцог Орлеанский (Филипп Эгалите) и его якобинцы под руководством Робеспьера перехватили влияние в французской революции 1789 года, устранив сторонника США маркиза Жильбера де Лафайета.^[52] Герцог непосредственно собрал, профинансировал и вооружил толпу для штурма Бастилии, в которой не было никаких политических заключенных (это была политическая уловка с целью избрания на пост премьер-министра Франции орлеанского ставленника, швейцарского банкира Жака Неккера)! Тот же самый герцог Орлеанский, кузен короля Людовика XVI, позднее организовал штурм Версаля (и предоставил для этого оружие), "обойдя с флангов" Лафайета и тем самым отстранив его и его союзников от власти. Последствием стал якобинский террор во Франции, направлявшийся Лондоном.

Как было объявлено вслух и публично Симоном Боливаром в Колумбии, те же методы, которые использовались для тренировки Дантона и Марата, Бентам использовал, через посредство британской масонской ложи Шотландского обряда, для манипуляции теми революционерами, которые были наняты в целях установления господства Британии над испанскими колониями Южной Америки и Карибского бассейна.^[53]

Итак, мы возвращаемся к гейневскому "делу Людвиг Берне". Протеже Бентама лорд Пальмерстон использовал те же самые методы для создания управляемых Форин Сервис повстанческих движений "Молодая Америка" и "Молодая Европа", которые координировались, "в связке" с Наполеоном III и пригретым в Лондоне Джузеппе Мадзини, с непосредственной целью устранения князя Меттерниха, в прошлом партнера британцев по Священному Союзу. Молодой Карл Маркс из Трира был подобран Мадзини и компанией в конце 1830-х гг. и включен в британскую "зоологическую коллекцию" персонажей-бунтовщиков. События 1966-69 гг. вокруг Колумбийского университета в США и одновременная операция против Шарля де Голля в Европе были повторением в миниатюре бунта "Молодой Европы", а также "Молодой Америки" в Миннесоте и Южной Каролине в 1830-х/1850-х гг. Все анархистские и социалистические организации, размножившиеся в Европе и США после того, как разразилась Гражданская война в Соединенных Штатах (1861-65), были порождены международной сетью революционеров-мадзинианцев, созданной Форин Сервис.

Тот же шаблон характерен для истории Коммунистического Интернационала, и это проявилось в том, как после Сталина, под эгидой Н. С. Хрущева, Евгения Варги, Отто Куусинена и их преемников была осторожно "квазиреабилитирована" управлявшаяся Форин Сервис коминтерновская "правая оппозиция" Бухарина-Тальгеймера-Лавстоуна. Имеются неоспоримые данные о том, что Генеральный секретарь И.В.Сталин распознал британскую игру и, по крайней мере, достиг степени понимания, которая оставалась недоступной таким его преемникам, как Хрущев (если у них и вовсе было желание понимать эту игру).

Кем в действительности осуществляется контроль в таких формах над международным коммунистическим движением, а также над многими его ответвлениями, да и над другими группами, по сей день? Как структурирован этот контроль и как он действует? С какой целью и ради какого результата? Какая часть советской истории является подлинной (то есть является частью российской истории), а какая всего лишь отражением манипуляции марионетками в стиле Бентама и Пальмерстона (примером которой может служить координация британцами русско-японской войны в 1905 году и, одновременно, так называемой революции 1905 года)?

Первый шаг к пониманию этого состоит в том, чтобы отказаться от популярных глупостей вроде поисков "агентов ЦРУ" под каждой кроватью. К примеру, кто фактически контролировал ставленников вышеупомянутой "международной правой оппозиции" в Коминтерне, базой которой в США была промышленно-инженерная секция (ранее возглавлявшаяся Уильямом Гомбергом) Международного профсоюза швейной промышленности (ILGWU) Дэвида Дубинского,^[54] и которая действовала под вывеской Международного Комитета Спасения и его дочерней структуры - Фридом-Хаус.^[55]

Как много этих агентов "правой оппозиции" было внедрено в Центр стратегических служб (OSS) и Центр военной информации (OWI) США в период второй мировой войны, а затем из этих "фильтрационных пунктов" в послевоенные разведки США, Британии, Канады? Наиболее распространенная форма политической паранойи в сегодняшнем мире выражается в том заблуждении, что агенты непременно являются агентами правительств или правительственных служб, и что характер национальных правительств является производным от национального характера населения соответствующих государств. Ни добросовестный историк, ни стоящий контрразведчик не поддержат подобные заблуждения.

Возьмите Британскую империю, по-прежнему существующую под вывеской "Британского Содружества". Обывательское заблуждение по этому поводу состоит не только в том, что обывателю промыли мозги так, что он стал повторять лживую мантру "Британия - наш ближайший, дражайший и старейший союзник". Корни его замешательства в том, что он обманывает себя верой в популяризированные сказки о британской монархии как о всего лишь церемониальном довеске к "британской парламентской демократии", и в вытекающем отсюда его заблуждении, что британское государство есть некое "производное" от населения Соединенного Королевства.

Британское государство возглавляется наследственной монархией, избранной согласно Акту о Престолонаследии 1701 года, - Акту, который вплоть до сегодняшнего дня является в наибольшей степени подобием истинной Конституции Соединенного Королевства.^[56] Современное британское государство, как и Британская империя, возникло с приходом к власти бывшего протеже голландского Вильгельма Оранского - Георга Людвига из Ганновера, который стал королем Британии Георгом I. В итоге устройство британского государства было разработано таким образом, чтобы сделать Лондон столицей международного ростовщичества и центром морского могущества в Северной Европе по модели донаполеоновской Венецианской республики. Как и старая имперская Венеция, этот Лондон вместе с его Британской империей и сегодняшним так называемым "Британским содружеством" представляет собой орган международной финансовой олигархии - олигархии, схожей со своим приемным родителем, *pater familias* (лат. - "отец семейства") - старой имперской Венецией. Эта олигархия состоит как из семей, обладающих огромными богатствами, так и из семей и лиц, чье традиционное исключительное влияние выражается в других формах, вроде кардинала Гаспаро Контарини или Паоло Сарпи.

Суть проблемы в том, что британское государство, включая довесок Содружества, является "политическим лакеем" нескольких тысяч влиятельных фигур, представляющих правящие фамилии разветвленной британской финансовой олигархии.

Для компетентного историка эта форма британского государства отнюдь не представляется каким-то особенно новым изобретением.

Как мы отмечали выше, до основания первого нации-государства, а именно Франции короля Людовика XI (1461-1483), мир управлялся империями, а не нациями; во главе империи стоял император, который держал в своих руках и всю собственность, и все право (не считая противовеса в виде традиций). Любая иная власть существовала на основании привилегий, дарованных центральной имперской властью. Империи управлялись олигархиями, представлявшими влиятельные семьи; подразумевалось, что эти олигархии так же далеки от простых смертных, как и легендарная олигархия богов олимпийского пантеона. Основная доля олигархических фамилий была представлена тремя сословиями: земельной аристократией; финансовой элитой; служилым дворянством либо жрецами господствующего пантеистического культа. Все эти три сословия существовали со времен Вавилона и даже ранее; империи различались между собой по преобладанию того или иного олигархического сословия. Конституционное государство, представляющее народ и его будущие поколения, не существовало, не считая первых его прототипов в виде некоторых городов-государств, до тех пор, пока во Франции, благодаря поддержке итальянских проводников Золотого Возрождения XV века, не возникло современное нация-государство.^[57]

Мы уже упоминали о том, что Британская империя (то есть Соединенное Королевство) по существу является финансово-олигархической империей, в отличие от земельно-олигархической. Наилучший способ понять наследственную британскую монархию заключается в том, чтобы рассматривать "виндзорское семейство" как наследственный вариант дожей старой Венеции. Эта британская финансовая олигархия венецианского образца косвенно, да и прямо, разжигала войны, направленные против жизненных интересов Соединенных Штатов, - вкуче с иной подрывной деятельностью. Все это делалось в интересах британской разновидности империи венецианского типа, то есть, практически в интересах "венецианской модели". Итак, мы можем, имея в виду эту совокупность характерных признаков, употреблять краткий термин: "венецианская партия". В других трудах автор и его коллеги документировали ключевые моменты, относящиеся к соответствующим методам подрывной деятельности.^[58]

В Соединенных Штатах англофильская финансовая олигархия из богатых и влиятельных лиц, традиционно связанных с финансовым домом Дж.П.Моргана на Уолл-стрите, представляет собой имперское образование в британском стиле, которое "наложилось" на государственные институты США. Так, пример с финансированием дочерних структур Компартии США через фонды, учрежденные семействами финансовой олигархии, демонстрирует, что типичный агент в первую очередь

представляет не интересы той или иной государственной службы США, а скорее клан богатых семейств, стоящий за множеством пользующихся налоговыми привилегиями благотворительных фондов, вроде фонда Форда, руководимого такими представителями семейств, как Роберт М.Хатчинс, протеже Бертрана Рассела, и Макджордж Банди. Обычно американские госслужбы вступают в игру в качестве инстанций, которые фактически контролируются богатыми олигархическими семействами, например, через "старые приятельские" связи.

Например, Атланта (Джорджия) является центром деятельности группы агентов, чьи связи с Компартией США восходят еще к 20-м годам. Типичным представителем этой группы является пародия на "аграриев" - "наседка" Анна Брейден. До какой степени эти деятели являются агентами Компартии? Как видно из финансовых документов, эта группа контролируется рядом семейных фондов, тесно переплетенных с Всемирным Фондом Дикой Природы британского принца-консорта Филиппа. Так что же в этом нового?

Наивные люди часто искали "правительственных агентов" там, где преобладали представители частных интересов отдельных богатых олигархических семейств. Есть примеры непосредственно правительственных агентов, например, полицейской агентуры в чистом виде, однако с точки зрения контрразведки они сопоставимы с блохами, которые имеются на любой бродячей собаке. Серьезная агентура в основном является звеном контроля со стороны олигархических кланов.

Рассмотрим вкратце левые движения в целом. Родословная всех этих движений восходит к операциям олигархического клана "венцианской партии" в Европе и Америке XVIII века. Образование Коммунистического Интернационала, как и первоначальной РСДРП, не является исключением из этого правила. Отсюда мы приходим к вопросу: в какой степени те или иные коммунисты были (или не были) агентами этих международных финансовых интересов; это относится и к коммунистическим организациям вне СССР; это особенно касается контроля "международных банкиров" над такими фигурами Коминтерна, как Радек, Бухарин, Лавстоун и др.; это касается усиления внутреннего и внешнего влияния наследников бухаринской "правой оппозиции" и, в меньшей степени, троцкистской "левой оппозиции", в странах Варшавского Договора при Хрущеве и после него; и сюда относится, прежде всего, широкомасштабное влияние британской агентуры накануне и после 1991 года в России.

Агентура в политических движениях, которая обычно интересует контрразведку, в широком смысле делится на четыре типа. Во-первых, - чтобы не говорить больше о таких случаях, - это в чистом виде "засланный" агент или же член организации, завербованный, например, государственной спецслужбой для работы на нее. Во-вторых, это агент, функционирующий в среде разных политических организаций и движений в качестве "Лепорелло", прислужника каких-либо олигархических семейных интересов, - как это описал Гейне, излагая обстоятельства, связанные с делом Людвига Берне. В-третьих, это приспособленец, чья продажность используется для осуществления через него неафишируемой политической программы. В-четвертых, это недалекий простофиля, чьим поведением управляют как движениями куклы, "дергая за политико-социопсихологические ниточки". Большинство политических организаций, в особенности соответствующие левые организации, контролируются посредством агентов четвертого типа, - тех, кого "дергают за ниточки".

Мы здесь сосредоточимся на функциональной роли "ниточных" агентов, то есть недалеких марионеток четвертого типа. Феномен "психологических ниточек" имеет первостепенную важность для понимания политических характеристик сегодняшней ситуации в России. В связи с этим вернемся к рассмотренному выше вопросу об *Analysis situs*: теперь рассмотрим те же проблемы с точки зрения того, что многие хотели бы определить в качестве сферы "социальной теории".

Парадигма рабочего движения

Следует рассмотреть три вида "чувствительных психологических ниточек", чтобы достичь функционального понимания, - например, понимания, необходимого для контрразведчика, - наиболее важных внутренних проблем, угрожающих России сегодня. Соответствующий дефект, определяющий каждое из трех свойств, может быть обозначен, соответственно, в порядке интеллектуальной кардинальности как "популистский", интеллектуальный и моральный.

Важно проследить, как социалистические структуры, в том числе советское государство, обращались с вышеуказанной проблемой контрразведки. Их контрразведывательные службы оставляли открытыми "ворота", через которые можно было угнать целое стадо скота; отсюда - неоднократные истерические и кровавые попытки перебить этот несчастный скот, в том числе и тех, кто был совершенно невиновен, вместо того, чтобы обнаружить и прикрыть эти "ворота", - как это надо бы сделать и в сегодняшней России.

По мере того, как социалистические движения все в большей степени привлекали враждебное внимание со стороны полицейских и прочих политических государственных агентств, у этих движений накопился ряд "практических инструкций" для обеспечения внутренней безопасности и противостояния агентам в своих рядах. Среди этих "практических инструкций" наиболее интересным для целей данного стратегического исследования является обширный набор ритуалов, связанных с конфликтом между той ролью, которую играла лояльность к повседневным стремлениям "масс", и "усложненными" и, следовательно, "чуждыми" тенденциями мысли, присущими всем так называемым "интеллектуалам". Эта доктрина была доведена до безумных крайностей в тех течениях, которые не случайно были самым полезным видом долговременных орудий той самой полицейской агентуры, "прививкой" против которой в социалистических и родственных им организациях должна была, как предполагалась, служить эта популистская мантра.

И все же за иррациональным потаканием повседневным массовым чаяниям, которое было свойственно этим анархо-синдикалистским течениям, скрывался элемент "запутанной правды".

Тот факт, что социалистические движения обычно являются продуктом могущественных финансово-олигархических или аналогичных интересов и что они, кроме того, часто функционируют в враждебной среде, придавал первостепенную важность проблеме верности привязанностям и обязательствам, как внутри этих организаций, так и среди тех слоев населения, которые стали их традиционным электоратом. В социалистических и родственных движениях до 1966-1969 годов, особенно в тех, которые непосредственно ориентировались на марксизм, доминировала приверженность защите интересов производительного труда и законных чаяний наций и национальностей. Поэтому до того, как произошел глобальный сдвиг от прогресса к "постиндустриальному" утопизму, в этих организациях действовал грубый и простой контрразведывательный принцип: "Кому или чему привержен этот человек? Кому он предан и какие выполняет обязательства?"

Несомненно, различие между пресловутым "продававшим свои услуги" карьеристом и тем, кто связал себя моральными обязательствами внутри этих социалистических организаций, состояло в том, разделяли они или нет глубоко осознанные обязательства перед обществом и его будущим, считали ли своей целью освобождение угнетенных и улучшение условий жизни людей через инвестиции в научно-технический прогресс, духовную и культурную поддержку тех, кто не по своей воле был лишен образования и так далее. Карьерист мог декларировать эти цели, но как бы пожимая плечами подобно французскому экзистенциалисту; карьерист был "прагматиком делового толка", духовным собратом того пресловутого продавца подержанных машин, который больше интересуется тем, как внушить покупателю, что машина хорошая, чем тем, чтобы проданная колымага все-таки ездил. Не "будь хорошим человеком", а "добейся успеха в политической карьере" - таков был опознавательный знак социалистического карьериста, как и всякого "продающего свои услуги" бюрократического карьериста в любой политической или профессиональной деятельности, в любом деле.

Так, время от времени, в более деликатные моменты карьерист скраивал снисходительную улыбку в ответ на упоминание о "добром самаритянине". Из этого семени карьеристского цинизма, гнойного морального разложения личности прорастают в дальнейшем все риды и буши, включая социалистические разновидности бурьяна.^[59] Вопрос о безопасности является в первую очередь моральным вопросом: какому принципу человек аксиоматически привержен?

Не стоит смеяться над социалистом, который считает, что степень аксиоматической преданности человека благу человечества, нации, страждущих, и так далее, имеет отношение к безопасности. Тем не менее, какими бы благими ни были их намерения, социалистические организации были аксиоматически неспособны эффективно разобраться в этой моральной проблеме. Эти качества преданности определяются суверенными, индивидуальными познавательными процессами; следовательно, эти свойства расположены в той же интеллектуальной сфере, которую радикальные редуccionисты, именуемые анархо-синдикалистами, рассматривают, например, с категорическим отвращением, а марксисты - с подозрением в уклоне от того "твердого материализма", который запечатлен в "научном открытии" Фридриха Энгельса, состоятельного британского переработчика собранного рабами хлопка, а именно - в "открытии" того, что человеческий разум есть производное от оттопыренного большого пальца руки.

В соответствующей литературе или устных высказываниях, адресованных соответствующим слоям, не содержится компетентное рассмотрение вопроса о преданности и обязательствах. И это, на самом деле, не случайно: центральная проблема внутренней политической безопасности, с которой столкнулись, в частности, коммунисты, заключалась в том, что все коммунистические и родственные движения были, по существу, продуктами так называемого Просвещения, и в этом смысле пример Маркса и коммунистических движений является парадигматическим. Следовательно, их представления о сущности (природе) человека и, соответственно, о человеческих и национальных интересах пребывали в русле взглядов эмпириков и прочих редуccionистов вроде Бэкона, Гоббса, Локка, а также британских и французских материалистов XVIII века. В этом плане, главная угроза безопасности социалистических движений и Советского государства находилась внутри их самих.

Да, возможно, их оппоненты использовали "дергаемых за ниточки" простофиль-марионеток внутри советского общества, но не что иное, как следствия того материализма, который господствовал в этом обществе, способствовали росту числа таких марионеток. Главная вина - часто в нас самих, как писал Шекспир.

Несмотря на анархо-синдикалистские и материалистические заблуждения, которыми организации, именующие себя марксистскими, были склонны "загрязнять" свою преданность рабочему движению и связанному с ним электорату, сама эта преданность существовала и придавала моральную прочность этим организациям (не считая карьеристов). Следует подчеркнуть связь этой традиции с приверженностью большевиков-ленинцев моральным обязательствам по защите и повышению благосостояния граждан советского общества.

Извращение достойной похвалы социальной преданности благу трудящихся слоев общества и их семей, происходящее в результате восприимчивости к извращениям типа анархо-синдикалистского "антиинтеллектуализма", является типичным примером низшей формы действия "дергаемой за ниточки" агентуры - возбуждения грубых социальных или этнических предрассудков. Доктринальные влияния вроде редуccionизма Аристотеля или Иммануила Канта или откровенного эмпиризма поражают функционирование интеллектуальных способностей сознания и порождают не только более тонкое и многостороннее, но и более смертоносное и порочное ментальное и моральное расстройство, нежели просто социальный предрассудок. Третьему, наиболее изощренному типу "ниточного" манипулирования мог бы дать имя Апостол

Павел, в Первом послании которого к Коринфянам (13) обобщено его христианское понимание принципа, именуемого *agape* (агапе), выработанного ранее Платоном.^[60] В военной науке эта проблема может быть соотнесена с отсутствием качества, которое Клаузевиц в знаменитом посмертно изданном труде "О войне" обозначает термином *Entschlossenheit* (решимость). Обладать формальными знаниями недостаточно; необходимо то особое качество, выражающееся в подобающем страстном, повелительном стремлении к правде и справедливости, которое Платон называет *agape*, противопоставляя его вульгарным порывам "*эроса*". Сама по себе правда при отсутствии специфического качества страсти, которая заставляет человека действовать в интересах правды и справедливости, превращается в нечто мертвое и перестает быть правдой в силу бездействия.

Таким образом, три типа "чувствительных ниточек", которые превращают социалистические организации или их членов в (возможно) бессознательных, но тем не менее эффективных агентов олигархического влияния, представляют собой: 1) *грубые социальные предрассудки*, по отношению к иному социальному слою, этносу и др.; 2) *интеллектуальную ущербность* в виде ведущих к деградации гипотез, таких, как аристотелианство и другие формы редукционизма, заставляющих их приверженца действовать фактически в качестве марионетки, злостно враждебно по отношению к сущности человека, даже вопреки сознательным намерениям самой марионетки; 3) недостаток того качества страсти, которое побуждает человека к действию во имя открывающейся познанию правды и справедливости.

Явление постиндустриального утопизма

Сегодня вопрос уместно поставить так: что должно было случиться в тот момент, когда советское общество начало отказываться от приверженности развитию производительных сил труда через инвестиции в научно-технический прогресс?

Перед лицом обломков бывшего советского общества, истлевающих на поле проигранной исторической битвы, поэт задумается о том, какую трагедию эта *унизительная* сцена представляет для тех коммунистов, которые были привержены моральной идее служения человечеству. Как объяснить явную фактическую утрату этого морального императива в сегодняшней российской политике?

Непосредственной причиной "гран-гиньоль"^[61] сегодняшней России, раздираемой кризисом, является "реформа", навязанная постсоветской России Британией и президентом США Джорджем Бушем - марионеткой мадам Тэтчер. В этом внешнем факторе нет ничего загадочного. Ключевой момент, который заслуживает рассмотрения, заключается в том, сколь многие видные представители советской системы очертя голову бросились в объятия откровенного фашизма того сорта, которым в розницу торгуют NED и его филиал при республиканской партии США - Международный республиканский институт. Зерно, обусловившее восприимчивость Москвы к этому разрушительному воздействию, было посеяно намного раньше, начиная с той, - если использовать наиболее подходящее выражение, - необухаринской реставрации, которую можно проследить со времен правления Хрущева.

Аксиоматическая характеристика собственного вклада самих русских в это сегодняшнее унизительное состояние России - болезнь второго, интеллектуального типа. Возможность этого расстройтва коренится, с эпистемологической точки зрения, в теории "материалистического метода". Российский вклад в нынешнюю (после 1989 года) деградацию России является не просто прямым результатом этого "материалистического метода" как такового, но заключается скорее в том, что приверженность этому методу стала действовать все более разрушительно в конкретных исторических условиях, начавших складываться во время так называемого "хрущевского периода". Вкратце изложим здесь, в чем заключались эти условия, с учетом того, что автор освещал этот главный аспект послевоенной истории в своих более ранних работах.

Мы должны проследить происхождение основных черт мировой истории нынешнего времени, включая ситуацию в России сегодня, начиная с того факта, что президент США Франклин Рузвельт скончался в самое неподходящее время. Его уход привел к тому, что власть в доминирующей мировой державе того времени перешла к президенту Гарри Трумэну, который был добровольным орудием британских империалистических интересов, представленных уходящим тогда со своего поста премьер-министром Уинстоном Черчиллем. Наиболее важным было то обстоятельство, что под контролем англичан Трумэн вынудил крупнейшую мировую державу, США, поддержать безрассудную политику ядерного вооружения, автором которой был самый злобный расист из британских поджигателей войны - лорд Бертран Рассел. Концепция британской политики ядерного вооружения, изложенная Расселом в "Бюллетене ученых-атомщиков" в сентябре 1946 года, определила основную динамику мировой истории во всех основных чертах от смерти Рузвельта до наших дней. Эта черчиллевско-расселовская политика ядерного вооружения никогда с тех пор не пересматривалась; помимо всего прочего, эта политика служит ключом для любого серьезного объяснения как внешней политики, так и внутреннего положения сегодняшней России.

Основополагающей чертой этой черчиллевско-расселовской комбинации расистского геноцида с политикой ядерного вооружения, является то, что Черчилль и Рассел "укладываются" во всю систему долгосрочных стратегических целей и политики Британии со времен того отвратительного предка, которому Уинстон Черчилль в течение всей своей сознательной жизни стремился подражать, - первого герцога Мальборо, который, подобно Георгу I, был протезе и марионеткой зловещего Вильгельма Оранского.

Основная роль "венецианской партии" в истории Англии с 1517 года состояла в том, чтобы изуродовать эту страну, превратив ее в инструмент для выполнения венецианского плана стирания современных суверенных наций-государств с лица планеты. С тех пор, как Венеция едва избежала сокрушительного поражения со стороны Франции и ее союзниц по

Камбрейской лиге, вся история европейской цивилизации определялась конфликтом между древней олигархической, имперской традицией, и восставшими против этой традиции силами, стремившимися построить современное нацию-государство, первым воплощением которого была Франция в период Людовика XI, а вершиной - Федеральная конституционная республика Соединенных Штатов, основанная на лейбницевой (в противоположность локковской) концепции естественного права, в особенности при таких президентах, как Вашингтон и Линкольн.^[62]

С 1789 года в центре мировой истории находилось противостояние империй и имперских традиций Европы влиянию той конституционной и экономической модели, которая была представлена замыслом Федеральной Конституции США и тем, что было достигнуто в соответствии с ней. На протяжении всего периода с 1763 года, когда создание будущих США было лишь ощутимой угрозой на горизонте Лондона, главным намерением британской правящей олигархии был подрыв и уничтожение Соединенных Штатов и влияния американской системы как модели во всем мире. Тот, кто не понимает этого факта, не знает вообще ничего существенного в современной истории.

Как заявил с бесстыдной откровенностью Рассел в сентябре 1946 года в своем предложении о "превентивном" ядерном нападении на СССР, цель навязанной Британией политики ядерной угрозы состояла в стирании с лица земли наций-государств и, в действительности, в их замене мировым правительством. Отказ сталинского руководства отступить перед угрозой Рассела побудил британцев и их марионеток в США прибегнуть к временной альтернативе - разделению мира (в соответствии с известной фултонской речью Черчилля)^[63] между двумя военными блоками - англо-американским и советским. Так Рассел и К. открыли сорокалетнюю эру геополитического баланса сил, опирающуюся на взаимное, глобальное ядерное запугивание двумя блоками друг друга.

Уже за десять лет до распада СЭВ определенные признаки его неблагополучия позволяли тем, кто внимательно следил за ситуацией, поставить вопрос: "Что произойдет, если начнется коллапс советской экономики?"

Автор этих строк поставил этот вопрос в тех переговорах конца 70-х гг. и неофициальных предварительных дискуссиях 1982-83 года, которые он вел с советскими представителями от имени администрации Рейгана. В 1983 автор пришел к выводу о том, что при сохранении тогдашних тенденций экономика СЭВ может просуществовать еще около пяти лет, после чего начнет разрушаться. В октябре 1988 на пресс-конференции в Берлине и в телевизионном выступлении, прошедшем в общеамериканском эфире автор предсказал неизбежность наступления в ближайшее время такого коллапса, начиная с Восточной Европы. Как в 1982-83, так и в 1988 году, автор выдвигал альтернативы. В том же направлении думали и другие - например, директор Дойче-банка Альфред Геррхаузен.

Но у Маргарет Тэтчер и ее заслуженной марионетки, президента Джорджа Буша, оказались другие планы: взгляните на "реформы", доведшие Россию и другие части бывшего Восточного блока до отчаянного положения на грани взрыва! Намерения британской олигархии, включая стоявших за Бушем американских финансовых тузов, заключались в том, чтобы использовать крушение советской мощи и собственный контроль над США для немедленного осуществления плана ликвидации наций-государств в масштабе планеты и подмены существующих суверенных государств мира региональными наднациональными властными органами, равно подчиненными верховной власти мирового правительства с центром в Совете Безопасности ООН, - то есть общемировой империей, в которой региональные наднациональные органы были бы сатрапиями, а вся эта масса управлялась бы неизбираемыми "неправительственными организациями", зарегистрированными в качестве агентов ООН как всемогущего "мирового правительства".

Другой стороной этой расселовской схемы было разрушение современного агроиндустриального общества. В общих чертах речь шла о прекращении политики роста производительных сил труда через поощрение инвестиций в инфраструктуру и научно-технический прогресс, вместо которой внедрялось то, что мы сейчас знаем как "неомальтузианский постиндустриальный" утопизм, навязывавшийся наднациональными органами, подчиненными мировому правительству ООН. Поскольку такая неомальтузианская политика нулевого технологического роста означала, что планета больше не сможет поддерживать существующий уровень народонаселения, Рассел и ему подобные еще со времен первой мировой войны (!) проводили кампании в пользу расистской политики ограничения народонаселения, в особенности настаивая на резком сокращении численности цветного населения, в том числе способами, которые (по определению самого Рассела, 1923) "хотя и отвратительны, но необходимы".

Практический вопрос сегодняшнего дня состоит в том, чтобы уяснить, почему такое множество ведущих российских и западных деятелей, ответственных за отношения России с другими странами, фактически стало агентами политики массового убийства людей экономическими и иными связанными с этим средствами, которая по своей сути является еще большим геноцидом, чем та практика, за которую нацисты были осуждены и получили свой приговор в Нюрнберге.

Имели место две подготовительных фазы политической дегенерации влиятельных слоев в СССР, которая проторила путь к сегодняшней ситуации в России. Этот процесс начался при Хрущеве, и это началось с тех пор, как Хрущев протянул руку расселовской политике в области ядерного вооружения. Так называемые договоренности Пагуошской конференции 1958 года весьма показательны. После ракетного кризиса 1962 года между основными ядерными державами были достигнуты соглашения в духе предложений расселовского протеже Лео Силарда и других пагуошских разработок. Сам Рассел сыграл заметную публичную роль в этих переговорах.

Суть дела в том, что ракетный кризис вместе с достигнутыми новыми соглашениями убедил соответствующие стороны: реальная полномасштабная война между двумя блоками более не является вероятной; это не исключало

"дипломатически управляемых" конфликтов, в основном по типу суррогатных военных действий "ниже ядерного порога". Таким образом, в течение второй половины 1960-х гг., в мышлении ведущих политических кругов НАТО и Варшавского Договора произошел резкий фазовый сдвиг. - советской стороны, этот "сдвиг по фазе" привел к ускорению интеллектуального вырождения; не считая сознательных необухаринцев, все большее число советских деятелей превращалось в несознательных агентов второго, интеллектуального типа.

Начиная с Хрущева, советская политическая стратегия стала все более ускоренно переориентироваться на усвоение, во все возрастающих дозах, того эмпиристического мышления, которое уместно охарактеризовать как "общепринятое академическое мышление". Доверчивое установление советским руководством отношений с кембриджской группой системного анализа лорда Кальдора и др. через каналы типа Международного института прикладного системного анализа (IIASA) (Лаксенберг, Австрия) демонстрировало зараженность некоторой части высших слоев советского аппарата разложением такого рода. С тех пор, как власть советского аппарата пошатнулась, как только по благословию Лондона Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран Горбачев, это накопившееся разложение, типичным примером которого было влияние IIASA, безудержно вырвалось наружу, подобно дикому зверю в зоопарке, перед которым внезапно распахнули дверь клетки.

Вместо того, чтобы извлечь урок из ранее сделанных ошибок, бывшие советские политики наперегонки устремились в объятия Республиканской партии США, быстро приобретая фашистскую расцветку под влиянием "Монт-Пелеринского общества" и той разновидности "неоконсерваторов" (фашистов), политическая родословная которых восходила к американским бухаринцам тридцатых годов!

Тем не менее в России имеется множество ученых и других общественных деятелей с профессиональной квалификацией, способных внести вклад в эффективное руководство экономическим возрождением и стабилизацией России в случае, если Соединенным Штатам хватит здравого смысла для того, чтобы отказаться от своей собственной политики, выражающейся в мантре о "демократии и реформах", чтобы позволить России освободиться от хватки сегодняшних разрушительных "реформ" и пресловутой "демократии на острие экономических штыков" МВФ, которая достигается посредством артиллерийской пальбы по избранному законодательному органу. По отношению к нации, склонной по своим многовековым традициям к разрешению накапливающихся внутренних политических противоречий вооруженным путем, и при остро ощущаемой нехватке того типа решимости (*Entschlossenheit*), которую мы связываем с "принципом любви" (*agape*), было бы аморально со стороны иностранцев, - в частности, американцев, - фарисейски упрекать русских в том, что они не ниспровергают ту политику "реформ", по сути геноцида, которую мы продолжаем им навязывать.

Принимая все это в расчет, влиятельным деятелям в России необходимо как можно скорее перестать быть неосознанными агентами той силы, которая разрушает их страну. Русским необходимо понять, каковы те социальные, интеллектуальные и моральные "ниточки", при помощи которых их фактически превращают в Гамлетов, навлекающих на себя свое же собственное разрушение. Автор выражает надежду, что приведенные здесь суждения будут способствовать тому, чтобы вызвать столь необходимую дискуссию по этим проблемам. Но, прежде чем мы определим основной принцип, объединяющий вышеупомянутые элементы этой дискуссии, следует обратиться к здоровой стороне советского наследия, а также наследия досоветской царской России.

Человеческая сторона России

Речь пойдет о еще недостаточно оцененных, но очень важных чертах жизни в бывшем Советском Союзе.

Здесь читателю полезно вернуться к тому, о чем мы говорили выше по поводу академических и прочих экономистов. Вспомним, в чем состоит принципиальная ошибочность всякого рода общепринятой академической экономики и практики расчетов во всех странах в настоящее время - в прямо или косвенно выраженной несостоятельной предпосылке - "товары производят товары". Та же некомпетентность царит во всех тех избитых "точках зрения" и "анализах", в которых, как предполагалось и предполагается до сих пор, так называемые "демократии Запада" сравнивались с так называемой "коммунистической системой".

То же патологическое состояние мысли, которое заставляет плохо образованных экономистов и статистиков оставлять "формулу человеческого познания" за скобками экономических процессов, доминировало с обеих сторон в дебатах "коммунизм против капитализма". Та же некомпетентность определяет глупые выступления американских республиканцев о сегодняшнем Китае. Во всех этих случаях, как и в общепринятой социологии, антропологии и психологии, преподаваемой в университетах, как и в сегодняшних ответвлениях фрейдовского психоанализа, все пропитано той же аксиоматической некомпетентностью - зоологическим пренебрежением к природе человеческого существа.

В случае Советского Союза и предшествующей царской России необходимо осознать, что народ России - это не коммунисты, не монархисты и даже не россияне - это люди. Какую бы "систему" ни навязывали населению, состоящему из людей, в конечном счете, тем или иным образом, высветятся те действительные характеристики, которые диктует обществу человеческая сущность, выявляя свое функциональное превосходство в качестве определяющей черты истории. Эта реальность наиболее выпукло проявляется в феномене революционного перехода от одной технологии к другой, более передовой, в ходе опустошительных войн и родственных им кризисов или же в ходе революционных изменений политической системы.

(Упомянув здесь о человеческой природе, автор ссылается на уже сказанное по этому поводу.)

Перед лицом любых признаков такого изменения все общепринятые академические формы так называемого сопоставления "систем" впадают по этой причине в интеллектуальное банкротство, в той степени, в которой они игнорируют или неверно оценивают роль сущности человека, подобно эмпирикам и материалистам. При изучении любого конкретного случая, и в частности, при сравнении поведения российского общества в различные периоды монархического правления, при большевиках и сегодня, компетентный аналитик сосредоточивается на аномалиях-контрастах между так называемой "системой" и выражениями человеческой сущности, которые пусть скрыто, но так или иначе заявляют о своем присутствии.

Типичные достижения Советского Союза иллюстрируются деятельностью В.И.Вернадского. Само название "геобиохимия" указывает нужное направление. То, что подразумевается в этом образе, проясняется для нас, когда мы обнаруживаем в его публичных высказываниях 70-летней давности, уже в качестве официального советского ученого, словно пророческие взгляды о возможности использования ядерной энергии. Ведущие западные специалисты признали великолепный уровень работы советских ученых в этих областях; в данном контексте следует отметить, что автор этих строк смог лично оценить некоторые аспекты советской практики в этой области с точки зрения своей собственной специальной экспертизы.[\[64\]](#)

В области изящных искусств интеллектуальные результаты были относительно менее впечатляющими. Так, в исполнении музыки как до, так и после 1917 года Россия дала миру ряд впечатляющих талантов - в смысле их "мускульных" способностей; но, за исключением произведений композиторов-романтиков, где соответствующие тонкости в моральном отношении второстепенны, исполнительское искусство в целом страдало от глубокого кризиса интерпретации. Вообще, в изящных искусствах советские художественные стандарты обычно пропитывались постклассическим декадансом, по аналогии с той дегенерацией, которая охватила ведущих музыкантов Вены на исходе нападков на И.Брамса со стороны поклонников культа Вагнера. В музыкальных кругах Вены, как и повсеместно, было тогда не меньше откровенного сатанизма, чем в венском же журнале "Люцифер", к которому приложил руку антропософ Рудольф Штайнер. Те же тенденции вели и к откровенному сатанизму, который проповедовал Максим Горький влюбленным в него большевистским лидерам и не только им, в пресловутом гроте на острове Капри - острове императора Тиберия и, накануне первой мировой войны, Аксея Мюнте.[\[65\]](#)

Эти соображения, так сказать, очерчивают рамки портрета. С одной стороны, мы видим несомненную энергию гигантской вспышки подлинно научного творчества, в том смысле, в котором мы определили творчество выше. В то же время очевидно, что методы излагаемой на классном доске математической физики, использовавшиеся для представления результатов такого творчества, были преимущественно того доктринерского, формалистского сорта, который душит творческую производительность науки. Несоответствие? Да. Парадокс? Да: по сути, достойный восхищения. Стремление к самовыражению истинной человеческой сущности - способных к развитию суверенных творческих возможностей, заключенных в познавательных процессах индивида, - не исчезает и в ГУЛаге, и оно найдет себе путь даже через трещины в решетке тюрьмы, выстроенной господствующим повсюду эйлеровско-лагранжевским математическим формализмом.

Вина за возникновение этого парадокса не лежит ни на Советской России, ни на марксизме как таковом. Этот парадокс изнутри неразрывно связан с ложным "содомским" суждением о человеческой сущности, свойственным олигархической традиции обществ, чья культурная практика создавалась по шаблону "нулевого технологического прогресса", который составляет неотъемлемую сторону как Кодекса Диоклетиана, так и всех обществ, где поощряется рабство и крепостничество (в том числе и старой Российской империи). При большевиках, естественно, официальная эпистемологическая установка исходила из редуционистской традиции Аристотеля и Паоло Сарпи в так называемой "материалистической" упаковке британского производства.

Проблема лучших работ по экономике в Советской России состояла в том, что они оставались в стенах интеллектуальной тюрьмы под названием "то, что можно вывести математически на доске при помощи средств, согласующихся с нынешними понятиями общепринятой классной математики", короче, в плену ошибочного положения о том, что "товары производятся товарами", замаскированного под личиной математического формализма. Одним словом, они были беззащитны перед разлагающим влиянием британского "системного анализа", проводившегося через Лаксенберг.

Однако по ту сторону тюремных стен - по ту сторону академической кабинетной шарады, именуемой "математической физикой", - лежит экспериментальная физика. Совершающий открытия дерзкий ум, - как только он отказывается от той защиты, которую предоставляют ему нормы его естественного поведения в творческой познавательной сфере, представленной метафорами экспериментальной физики, - вынужден скрываться под чужой маской. Облаченный в академическую тюремную робу математического формализма, он выходит к доске лекционного зала и жлет, - математически, конечно, - о том, как в действительности были сделаны открытия, о которых он рассказывает. Но, прислушиваясь к совершенным образцам российской науки, так сказать, "между швов" единообразной "математико-физической" академическо-тюремной одежды можно услышать отзвуки той самой гениальности, которую практически все официально признанные историки современной науки пытаются выхолостить из революционных работ и Д.И.Менделеева, Вильгельма Вебера, Б.Римана, К.Гаусса и других.

Отсюда - важность научной традиции Лейбница-Гаусса-Римана для тех российских ученых, которые заложили основы советской науки до происшедшего в 1966-72 гг. во всем мире "сдвига культурной парадигмы" в сторону "ню-эйджевского" сумасшествия - "постиндустриального" утопизма.[\[66\]](#)

Место непосредственно анализируемой нами ситуации в России будет определено надлежащим образом, если мы рассмотрим тот же феномен более широко. Какими бы суровыми ни были условия в современных европейских политических системах до того, как тридцать лет назад началось культурное падение, эти условия были райскими по сравнению с культурной ситуацией доисторического человека, живущего словно "иеху" из "Приключений Гулливера", при потенциальной относительной плотности населения, не превышающей нескольких миллионов человек на всей планете.^[67] По степени проявления стремления к творческому познанию, свойственного человеческой сущности, любая форма цивилизации нашего века, даже нацистская Германия, была относительным раем. В действительности, на фоне того злобно-иррационалистического, экзистенциалистского умонастроения, той истерической ментальности геноцида, ментальности "нулевого роста", которая стала свирепствовать в течение последних тридцати лет деградации "культурной парадигмы" во всем мире, условия сталинского режима зачастую были не столь удушающими, в частности, для проявления творческого научного поиска, чем в сегодняшних России и США!

Оглядываясь на пройденную "длинную волну" исторического развития, можно сказать, что творческий дух, присущий человеческому индивиду, всегда отыщет щели в тюремной стене любой социальной системы, открыв путь к спасению, на котором истинная сущность человека может найти себе относительно достойный способ выражения. Трещиной в стене всегда была метафора, которая является характерной чертой всех великих классических форм пластического и прочего искусства. Та же творческая функция метафоры, которую мы обнаруживаем у Эхила, Платона, Леонардо да Винчи, Рафаэля Санти, Рембрандта, Шекспира и Фридриха Шиллера, характерна и для прогресса физической науки, примером чему является римановское понятие о прогрессивном многообразии многообразий. Неразработанные музыкальные формы выражения, встроенные в канву народной песни, были обнаружены Гайдном, Бетховеном и особенно Брамсом;^[68] ученик же Брамса, Антонин Дворжак, при содействии Гарри Бурляя, открыл ту же искру творческого гения, сбереженную поколениями африканских рабов, в спиричуэлс американских негров.

Не рассматривая здесь общеизвестные неблагоприятные факторы, отметим, что ключевой внутренней проблемой советской политической экономии была, как называли ее некоторые советские политики, "крестьянская проблема". В советской экономической литературе много говорилось о губительных "узких местах", которые можно было в основном отнести к этой "крестьянской проблеме".

Несмотря на то, что Россия предприняла первые шаги к освобождению своих крепостных еще при Петре I по рекомендации Г.Лейбница, эти меры были пересмотрены в течение XVIII века. Условия жизни еще более ухудшились в период правления обезумевшего, отягощенного комплексом вины Александра I, вернувшегося с меттерниховского Венского (сексуального) конгресса, где императоры, короли и прочая знать заражались венерическими болезнями от меттерниховских "ласточек", за чем пристально наблюдала, тщательно документируя, тайная полиция канцлера Меттерниха. Только когда британская так называемая "крымская война" толкнула Александра II на подъем российского патриотического духа против зверской феодальной реакции, навязанной зависимыми от британцев предшественниками Александра, и лишь тогда, когда Александр II снова нашел союзника России в лице Соединенных Штатов, институты крепостничества были повержены и силами таких патриотов, как Д.И.Менделеев и граф С.Ю.Витте началась великая индустриализация России. Из того населения России, которое было затронуто столыпинской пародией на виттевскую программу индустриализации, огромную массу составляли те, кто до того веками жил в состоянии страшной феодальной отсталости, однажды удачно названной Карлом Марксом "идиотизмом деревенской жизни", в состоянии, в котором человеческая сущность российских крестьян издавна подавлялась в соответствии с порочной традицией имперского Кодекса Диоклетиана.

Как и все общества, поднимающиеся из тьмы долгого мрачного средневековья, Россия вошла в современный мир, поначалу спотыкаясь, в виде "двуслойного" общества. Она вышла из привычной культурной традиции, в которой институты, присущие феодализму, систематически способствовали утверждению структуры всех учреждений российского феодального порядка, удерживая каждую группу населения в предписанной ей роли, согласно предписаниям Диоклетиана и согласно той имперской традиции, которой следовала Византия, тем самым погубив себя. Политические трудности В.И.Вернадского при царизме и в определенные периоды советского правления подтверждают это. Он был не столько диссидентом советской системы, сколько диссидентом в системе унаследованной российской культурной отсталости. Тем самым он представляет тот тип моральности, который отличает истинную творческую научную ментальность: ему ненавистно то, что подавляет творческий потенциал человеческого индивида.

Чтобы как американскому, так и российскому читателю стало понятней: родился автор этих строк в 1922 году в Советской России, а не в американском городке, и доживи он в этих условиях до возраста выбора, он, с его неприятием жестокости, связанной с американским аналогом "крестьянской проблемы" в 20-е-30-е годы, вынужден был бы подыскать себе достойное личное убежище в научной профессии.

Делая подобное предположение, автор этих строк уточняет, в чем состоит приблизительная аналогия с его опытом. В его детстве и юности почти все поколение его родителей, учителей и сверстников лгало практически на любую тему. То, что говорилось на публике и в иной формальной обстановке, абсолютно не соответствовало тому, что они высказывали в частном порядке в качестве достойных обсуждения взглядов; произносить то, что они думали, публично и вообще на виду было не принято, чаще прибегали к дипломатическим выражениям, достигая порой дипломатизма Талейрана и Киссинджера: говорилось то, что считалось благоразумно говорить, или с расчетом на то, что это будет случайно услышано. Сдвиг в лучшую сторону в моральном отношении, в том, что касается этой проблемы, в последующие годы не произошло.

Изучая в былые времена некоторые работы советских ученых, автор этих строк осознал, что у этих русских можно "учуять" диссидентство того рода, который был ему хорошо знаком - еще из детского опыта, связанного с общепринятой манерой привычного, "светского" вранья родителей, их сверстников, его учителей и его собственных сверстников.

Этот род диссидентства, знакомый автору по собственному опыту или по опыту драгоценного общения с русским ученым-химиком Побиском Кузнецовым, не имеет ничего общего с той, по существу сатанинской, формой асоциального, дионисийского бешенства, которая обнаруживается у таких злобно-иррациональных анархистов, как лидеры Либертарианской партии США. Просто индивид осознает, что общество, частью которого он является, страдает тяжелой культурной, моральной и интеллектуальной болезнью, и что лучшим способом принести пользу этому обществу является его личный отказ подчиняться той же болезни. Рисмен и прочие [69] сказали бы по этому поводу, что у автора "инициативная" натура, [70] крайне угнетенная оруэлловским масштабом конформизма, [71] который продолжает до сих пор разлагать Соединенные Штаты и грозит им уничтожением.

Нет более смешного и жалкого дурака, чем избиратель, который одновременно желает иметь в руководстве страны таких политиков, которым хватило бы мужества быть надежными и честными, но в то же время настаивает на том, чтобы его кандидат не выделялся из "мэйнстрима" популярного мнения, хотя бы в основной части той популярной лжи, которую сбывают по общедоступным ценам всем наивным гражданам соответствующие обозреватели и авторы опросов. Обычно такой избиратель получает именно то, что он покупал; большинству обладателей избирательного права, однако, еще только предстоит извлечь очевидный урок из этого опыта: может быть, проблема состоит не только в качестве кандидатов, но не в меньшей степени в отвратительных вкусах самого избирателя!

Адекватную трактовку этой проблемы общества можно найти в работах Платона, как и в прославленной 13-й главе Первого письма Апостола Павла к Коринфянам: руководствоваться следует тем, что Платон и Павел именуют *-agape-*, что, по определению Платона, идентично "страсти к справедливости" и к правде. Вначале требуется стать "добрым самаритянином" в разуме и в душе, а затем уже вспомнить о нуждах страждущего тела. Если удастся справиться с первой задачей, то найдутся и подходящие средства для решения второй.

Эти диссиденты внутри общества являются той тканью социального организма, в которой генерируется прогресс. Искусство управления государством по большому счету состоит в том, чтобы выращивать большее число таких диссидентов и находить соответствующее применение их силам. Советская система направляла тех из подобных диссидентов, которых не уничтожила, в сферу физической науки и непосредственно связанные с ней области. Фактически сам В.И. Ленин дал образец такой политики, когда разъяснил мотивы предоставления особых условий для нейрофизиолога Павлова; привлечение же таких ученых, как Вернадский, знаменовало собой еще лучшую парадигму, чем в случае с Павловым. Поскольку при всех прегрешениях советского сообщества ученых, в которых они были ничуть не хуже своих современников на Западе, а порой и лучше, они представляли передний край культурных достижений, завещанных Советским Союзом и Россией прежней - России и миру сегодняшнего дня.

Эта роль советской науки в полезном освоении такого диссидентства, составляет часть опыта, живущего ныне в культуре сегодняшней России, к которому граждане России могут обратиться в поисках "доступной" модели реконструкции экономики страны, пребывающей сейчас в банкротстве. Здесь, в этой грани советского опыта они могут найти то наследие внутри своего же общества, которое лучше всего выражает присущее им истинно человеческое и то, что следует развивать, чтобы эффективно мобилизовать человеческую природу для спасения России от ее нынешнего кошмара. Но чтобы преуспеть в этом, следует, не отвергая пользу математики, перенести акцент с виртуальной реальности чисто математической физики на ту позицию экспериментальной физики, которую обозначил Б. Риман. Результатом этого поиска должно стать, в конечном итоге, освобождение науки от оков аристотелевской традиции, омертвляющих мысль и убивающих душу, чтобы вновь открыть в методе Платона подлинные основания современной науки.

Потребность в грамотной политике

Итак, мы подходим к последнему вопросу: как могут выстроить грамотную политику в отношении России нынешние государственные деятели США, в основном функционально безграмотные? Это предупреждение касается тех политиков, которые, под гипнозом составителей опросов, возможно, уяснили, какие мнения на сегодняшний день в относительно большей моде, однако не наделены способностью формулировать реальные понятия, либо не позволяют себе применять такие способности, дабы не препятствовать стремлению, перевешивающему все остальное: выразить твердую поддержку тем из услышанных мнений, которые считаются модными.

По этой причине, а также с учетом важности вопроса об определении фундаментальных основ сегодняшних американо-российских отношений, мы завершаем это исследование развернутым определением этих основ, придерживаясь главного принципа: *средства, благодаря которым достигается улучшение условий человеческой жизни, состоят в стимулировании развития творческого потенциала суверенных познавательных способностей личности-индивида в сочетании с таким структурированием общества, которое стимулировало бы применение способностей развитого индивида в тех проявлениях развитого творчества, которые соответствуют задаче ускорения роста потенциальной относительной плотности населения. Короче, речь идет об усилении могущества человечества во вселенной через классические формы прогресса науки и искусств.*

Будут ли дети сапожника носить башмаки? Можем ли мы обогатить американо-российские отношения тем продуктом, который Соединенные Штаты, похоже, разучились производить? Сегодня система образования в США разрушает умы последующих поколений методами "деконструкции", хорошим примером которых служат расистские предписания систематического "сворачивания" познавательного развития негритянского населения, по рецептам факультета образования Гарвардского университета. Имеют ли сами Соединенные Штаты какую-либо перспективу на будущее, которую им предстоит соотнести с перспективой России на будущее, если мы продолжаем мириться с унижительными, по сути расистскими, но "политически корректными" методами Стэнфордского университета и т.п., такими, как освобождение учащихся от обязанности овладеть наследием "мертвых белых европейских мужчин"? [72] ("Держите их в невежестве, в нищете и ранней смертности, но пусть они думают, что они хотели этого сами".)

Здесь мы должны вернуться к исходной точке зрения Analysis situs.

Как мы указывали выше, неэнтропийная реальность человеческой сущности не может быть сведена к более низкому уровню концептуализации, чем выдвигание гипотезы высшей гипотезы. Все, что бы ни говорилось о человеческой сущности на любом более низком уровне рассмотрения, есть всего лишь глупый лепет функционально безграмотных болтунов, представленных эмпиристической породой социологов, антропологов, экологов и психологов. Как было показано выше, специфической чертой человеческой сущности является ее "неэнтропийность", которая сопоставима с последовательностью римановых многообразий, упорядоченных в порядке от n к $n+1$, соответствующих повышению потенциальной относительной плотности населения. Это универсальное упорядочение соотношений изменения, от одной гипотезы к последующей, представляет собой общий принцип Analysis situs, к которому сводится все человеческое бытие и все научные виды знания.

Мы также указали на то, как все человеческое знание упорядочивается согласно этому закону: выше упоминалось множество всех перестановок отношений, соподчиненных этой неэнтропийной характеристике, выражаемой в конфигурации из девяти ячеек.

Последний аспект этой проблемы, подлежащий рассмотрению в настоящем исследовании, - это форма, которую принимает это неэнтропийное упорядочение в суверенной области познавательных процессов индивида.

Существенным практическим, историческим соображением в отношении искусства государственного управления в этой связи является то, что в основе прогресса человечества от "иеху-подобных" существ, описанных археологами и отнесенных ко времени за миллион и более лет назад, лежит усвоение последовательных, подтвержденных открытий физических и родственных им принципов, посредством их передачи от первооткрывателя к тем представителям его поколения и последующих поколений, которые воспроизвели интеллектуальный опыт первоначального открытия в рамках суверенных познавательно-творческих процессов, сугубо внутренних по отношению к частным интеллектуальным процессам индивида как такового, то есть не передаваемых внешними коммуникативными средствами при помощи языка или других средств общения через символы. Это именно то решающее, специфическое событие, которое определяет функционально грамотное понимание термина "история". Именно духовный опыт, подразумевающий "неинформационную" передачу упомянутого типа личного познавательно-творческого опыта, является эмпирическим средоточием адекватно постигнутого Закона как в области физической науки, так и в конституционном праве политического общества.

Сутью вопроса является метафора, в том понимании, которое имел в виду Томас Гоббс, когда пытался ввести запрет на метафоры в английском языке, что затем удалось Драйдену, а позднее - верному псу Гоббса Александру Попу, - в их пародиях на настоящую поэзию. Метафора в классической строфической поэзии, включая античную, была изначальным также развивающимся языком науки. Иначе не могло быть.

Достойная презрения безграмотность так называемой "информационной теории", придуманной обманщиком Норбертом Винером, столь популярной среди сегодняшних несмышленных простаков, проявляется в том, что, как известно любому, кто знаком с зачатками научного метода, важнейшее отличие подлинного открытия принципа состоит в том, что этот принцип не может быть обозначен просто при помощи какого-либо ранее применявшегося термина, какой-либо возможной до того грамматической конструкции или каких-либо символических средств. [73] Метафора зарождается в поэзии, музыке и физической науке, когда сочетание двух или более аллюзий ("ироний") в одном и том же высказывании приводит к тому, что их соприкосновение пробуждает, - в ходе процессов, происходящих в чувствующем уме как поэта, так и слушателя, - чувство онтологического парадокса, по форме соответствующего тому парадоксу "единое-многое", о котором говорится в платоновском "Пармениде". Таким образом, чувствующему разуму слушателя сообщается намерение поэта преподнести ему некую загадку, к разрешению которой не существует ни явных подсказок, ни символических расшифровок, обнаруживаемых в буквальном прочтении самого высказывания.

Если разум слушателя находит решение этой загадки (этой метафоры), появляется возможность удостовериться в точности решения, не отыскивая его в конце учебника, в энциклопедии или в "Интернете", а именно тем способом, который мы ассоциируем с экспериментальной физикой. Решение такой загадки, следовательно, должно быть выразимо в форме экспериментальной практики, которая в реальном мире проверяет принцип, не описываемый никаким прежде существовавшим термином или теоремой.

Другими словами, сообщение одним разумом другому оригинального, поддающегося доказательству открытия физического принципа может происходить в процессе такого рода, как в вышеупомянутой квалификационной диссертации

Римана. То, что Риман именно так строил бы свои рассуждения по этому вопросу, становится понятно, если обратиться к другим его работам того периода на фоне классической эпистемологии, к которой он неоднократно обращается.

Это понимание обучающего процесса общения является основополагающим принципом такого же классического христианского гуманизма, какой исповедовало Братство общей жизни, а Фридрих Шиллер и его последователь Александр Гумбольдт предписывали в качестве противовеса той пародии, которая обернулась догмой в системе образования США со времен торжеств Джона Дьюи - этого негодяя фабианско-фашистско-социалистического толка, лакея Рокфеллеров.

В той степени, в которой каждое общество вырабатывает те или иные относительно приемлемые приближения к этому принципу христианского гуманистического образования, состоящему в воспроизводстве ключевых открытий принципов, сделанных предшествующими человеческими поколениями, разум ученика, помещенный в такие благоприятные условия, населяется именами и даже, возможно, портретами тех первооткрывателей, которые живы сейчас в его разуме в той степени, в какой ученик воспроизводит в своем уме живой момент творческого познания, впервые возникший в суверенном мыслительном процессе одного из великих умов прошлого. Это проникновение достигнет таких глубин прошлого, уходящего в тысячелетия, как участники платоновской Афинской академии или Архимед, которых ныне называют "мертвыми белыми европейскими мужчинами". Оно должно будет добраться и до некоего неизвестного нам древнего среднеазиатского астрофизика, представителя домесопотамской солнечно-звездной астрономии, который шесть или восемь тысячелетий назад впер-вые вычислил, с поразительной точностью приближения к истине, протяженность длинного равноденственного цикла.

Предназначение нации-государства состоит в том, чтобы утвердить именно этот универсально-исторический подход в качестве основы для образования и культурного развития человечества, а также гарантировать, посредством тех дирижистских "антифритредерских", анти-"laissez-faire" мер, которыми успешно руководствовался король Франции Людовик XI, а затем те, кто разрабатывал Федеральную Конституцию США 1789 года, чтобы развитие общества сосредоточилось как на признании первостепенного значения инвестиций в научно-технический прогресс и родственные виды прогресса производительных сил труда, так и на стимулировании возможностей выросших молодых граждан, в том числе и склонных к "диссидентству", находить доступные общественные "ниши", где они могли бы заниматься деятельностью, достойной великих личностей всемирной истории. Их деятельность в этих нишах будет заключаться просто в выполнении некоей неэнтروпийной работы во благо человеческого рода и во славу поколений, которые придут, чтобы вкушать плоды их труда.

Такое желанное положение человека в обществе, а также отношения между странами - это то, что Лейбниц определил словом "счастье". Именно эта лейбницева доктрина "счастья" в противовес Локку, была намеренно подчеркнута в Декларации Независимости США 1776 года и в принципе, запечатленном в Федеральной Конституции США 1789 года, в частности, в знаменитом пункте "о всеобщем благосостоянии".

В отношении России Соединенные Штаты должны понять две вещи. Прежде всего, никакое разумное восстановление России невозможно вне подхода, основанного на проекте "программы прорыва" для движимого технологическим прогрессом возрождения ныне разрушенной физической экономики России. Если мы в США не будем стимулировать такое восстановление, у России не останется никакого шанса для выживания, кроме роли озлобленного зверя, прежде всего, в масштабах евразийского континента. Как американские политические стратеги, так и думающие люди России должны еще понять, что в силу исторических причин гений российского народа должным образом проявляется в настоящее время только в тех традициях экспериментальной физической науки, включая биофизику, которые теперь можно найти в среде научных кадров; их сейчас необходимо срочно мобилизовать в связи с теми великими проектами реконструкции и прогресса, которые требуется реализовать немедленно в интересах как самой России, так и Евразии.

Перевод с английского К. Черемных, Г.Ибрагимова, Р.Даглас.

[1] Margaret Thatcher, *The Downing Street Years* (New York, Harper-Collins, 1993), стр. 782-783.

[2] "Бэби-бумеры" - поколение, родившееся в период всплеска рождаемости ("бэби-бума") после второй мировой войны, чья юность пришлась на вторую половину 60-ых годов. К этому поколению принадлежит значительная часть современной политической элиты США, включая президента Билла Клинтона. В своих многочисленных выступлениях, содержащих жесткую критику этой элиты, Л. Ларуш прослеживает связь между ее нынешними пороками (такими, как нерешительность и склонность к беспринципным компромиссам) и теми разрушительными морально-идеологическими воздействиями, которым подвергалось на протяжении 60-ых годов поколение "бэби-бумеров" в целом. Как и клинтоновская администрация, вплоть до настоящего времени, почти все так называемые эксперты находятся в плену фантазий, порожденных самообманом, отчаянно теша себя иллюзиями о том, что еще можно удержать все под контролем, возможно, на годик-другой, посредством нескольких хитроумных закулисных договоренностей с участием все тех же фигур. -Прим. перев.

[3] Целям данной конкретной работы соответствует новейшее определение "неэнтропии" как выражения Analysis situs, которое дано автором в исследовании человеческой эволюции: "The Descent from Man to Bush" ("Деградация - от

Человека до Буша") (*EIR*, 15 ноября 1996). По причинам, которые будут объяснены в настоящей работе, мы выделили именно эту публикацию, поскольку в ней содержится ссылка на работу покойного А.Д.Сахарова "Космологические модели с поворотом стрелы времени" (*ЖЭТФ* 79:689-693, 1980; цит. по *Collected Scientific Works*, D.Ter Haar, D.V.Chudnovsky, C.V.Chudnovsky, eds. (New York: Marcel Dekker, 1982). См. также соотв. материал по Analysis situs в статьях автора "While Monetarism Dies" ("Пока умирает монетаризм"), *EIR*, 25 Oct. 1996; "The Essential Role of "Time-Reversal" in Mathematical Economics" ("Существенная роль "обращения времени" в математической экономике"), *EIR*, 11 Oct. 1996; и "Leibniz from Riemann's Standpoint" ("Лейбниц с точки зрения Римана") (*Fidelio*, Fall, 1996).

[4] Русскому читателю притча о гвозде известна в переводе С.Маршака ("Не было гвоздя - лошадь захромала..." и т.д.). В подстрочном переводе с английского она завершается словами: "проиграна битва - пропало королевство". -Прим. перев.

[5] См. сноску 7.

[6] Это можно сказать о применении Федерального правила (США) №403 и других досудебных (in limine) решениях некоторых судей, вроде главного федерального окружного судьи Альберта В.Брайана и еще одного бесчестного судьи в штате Вирджиния: самая подлая ложь - это та, которая намеренно фальсифицирует представленные свидетельства путем сокрытия наиболее существенных относящихся к делу свидетельств. Аналогично, при формировании худших исторических мифов и сегодня выдаваемых в России за "историю" миф навязчиво обосновывается небольшим количеством якобы особо важных фактов, отобранных для того, чтобы подтвердить предрассудок, при историческом отрицании всех остальных фактов.

[7] Этот тезис достаточно проиллюстрировать двумя примерами. Первый - это стратегический план разгрома наполеоновского нашествия на Россию, разработанный инициаторами реформ в Пруссии Вильгельмом фон Гумбольдтом, Герхардом Шарнхорстом и Карлом Ф. фон Штайном, непосредственно сотрудничавшими с Александром, - план, который был основан на изучении историком и драматургом Фридрихом Шиллером освободительной борьбы в Нидерландах. Суть их стратегического плана для России состояла в том, чтобы не допустить разгрома русской армии в преждевременных и тщетных попытках разбить Наполеона в первых битвах (например, под Смоленском и Бородино), но намеренно отступить, оттягивая тем самым время и сохраняя целостность военного потенциала, и заманить Наполеона в Москву, заблаговременно подготовленную к поджогу, который был осуществлен во время пребывания в ней наполеоновских войск накануне наступления зимы (15-20 сентября 1812 г.), после чего русские силы смогли ударить по флангам отступающей Великой Армии. Александр, поначалу не расположенный к этому в силу определенной сентиментальности, затем принял его, вопреки возражениям своих ближайших советников.

После того, как Клаузевицу удалось убедить прусских офицеров под командованием генерала Йорка фон Вартенбурга (Тауроген, 30 декабря 1812 г.) в том, чтобы они присоединились к преследованию отступающей наполеоновской армии, русские, пруссаки и австрийский князь Карл фон Шварценберг смогли объединить силы для знаменитого решающего разгрома Наполеона под Лейпцигом (16-19 октября 1813 года).

Второй исторический пример состоит в том, что Первая мировая война, задуманная англо-французским альянсом, который контролировал дядя Николая II король Эдвард VII, фактически началась после того, как Николай в июле 1914 года объявил всеобщую мобилизацию для войны с Германией, на что Германия ответила аналогичной мобилизацией спустя несколько дней. Русские романтические интерпретации этих событий игнорируют все ключевые факты, пародируя таким образом пропагандистские сказки Эренбурга, который утверждал, будто Германия практически непрерывно, веками, выступала в качестве расистского агрессора по отношению к России.

[8] Подробно о первой китайско-японской войне 1894-1895 и о влияниях на Японию, связанных с деятельностью английской разведки с целью спровоцировать Японию на войну 1905 года с Россией, см. в статье автора о сегодняшних планах Британии по окружению Китая с намерениями его развала: "Ring Around China: Britain Seeks War" ("Кольцо вокруг Китая: Британия хочет войны"), *EIR*, 22 ноября 1996.

[9] франц. " -последний смертельный удар"

[10] При изучении текстов Ленина, особенно периода его разрыва Г.В.Плехановым, бросается в глаза отличительное свойство его работ и его практики, которое внушало трепет и зависть его окружению, включая даже большевиков, - свойство, которое Клаузевиц описал особым значением немецкого термина *Entschlossenheit* - решимость. Это качество лидера революционной организации роднило Ленина с такими верховными военачальниками, как Лазар Карно, как "молот и наковальня" американских северян - Шерман и Грант. Именно этот личный волонтаризм Ленина определил в большей степени, чем какие-либо иные факторы, то обстоятельство, что большевики смогли развить способности, аксиоматически не присущие психосексуально несостоятельным в своем "объективизме" меньшевикам Плеханова.

[11] Это подтверждается неоднократными ссылками В.И.Ленина на "американские", а не британские методы в экономике.

[12] См. сноску 3.

[13] Когда Карл Маркс впервые столкнулся с Дэвидом Уркாரтом в лондонском Британском Музее, Уркарт был ответственным сотрудником Форин Сервис в Закавказье и на Балканах (см. статью Joseph Brewda "The British Monarchy Rapes the Transcaucasus, Again" ("Британская монархия насилует Закавказье еще раз"), *EIR*, 12 April 1996). Контакт с Марксом возник в связи с руководящей ролью Уркарта в операциях Форин Сервис по координации террористических движений "Молодой Европы" и "Молодой Америки" под руководством базировавшегося в Лондоне агента лорда Пальмерстона - Джузеппе Мадзини, который контролировал Маркса. В итоге Маркс был превращен в пешку в междоусобном соперничестве Уркарта с Пальмерстоном, что выразилось в сочинении руссонебивистником Марксом пресловутой витиеватой глупой истории о том, что Пальмерстон - якобы "русский агент".

[14] Кенэ, политический апологет французской радикальной профеодальной изменнической традиции "фронды", на которую так рассчитывал агент лорда Лэнсдауна Шелбурнского Адам Смит в своей книге "Богатство народов" (1776), был значительной фигурой в системе салонов, которые координировал венецианский кукловод, аббат Антонио Конти. Принцип отношений, который моделировал Кенэ в своей центральной феодально-анархистской доктрине *laissez-faire*, соответствует модели сатаниста Бернарда де Мандевиля ("Притча о пчелах") - буквально сатанинскому учению, которое стало краеугольным камнем Монт-Пелеринского общества покойного Фридриха фон Хайека с его отстаиванием неофеодализма.

[15] Фон Нейман особо ценится как основатель общеупотребительных форм "математической экономики" современными кембриджскими "системными аналитиками" и др. за его предложение в 1938 году свести все положения экономики к решениям системы одновременно выполняющихся линейных неравенств. Результат переваривания этого нововведения увековечен в одном из наиболее самодовольных образцов псевдонаучного шарлатанского навоза, извергнутого на алтарь математического формализма - в книге Джона фон Неймана и Оскара Моргенштерна "The Theory of Games and Economic Behavior" ("Теории игр и экономического поведения") (3rd edition. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1953).

[16] Международный Республиканский Институт США (International Republican Institute, IRI) является структурным элементом Национального фонда (буквально: Национального пожертвования) демократии (National Endowment for Democracy, NED). Республиканский институт и Фонд Свободы (Freedom Foundation) играли наиболее активную роль в идеологическом натаскивании российской и практически всей постсоветской "демократической номенклатуры"; в настоящее время наиболее активно занимается "подростающим поколением" российского истэблшмента. -Прим. перев.

[17] Используемый нами термин "всемирная история" предполагает его толкование в том смысле, который вкладывал в него Фридрих Шиллер в своих Йенских лекциях на данную тему (напр., вступительная лекция "Что такое всемирная история и для какой цели ее изучают?"). Мы следуем представлениям Шиллера о том, что как история европейской цивилизации, так и воздействие европейской цивилизации на планету в целом восходят к фундаментальному конфликту между двумя тенденциями, представленными в истории Древней Греции как противостояние принципов Солона Афинского и олигархической традиции в лице ликургианской рабовладельческой Спарты; философии свободы Солона и Платона - и наследия рабства в виде философии апологета рабства Аристотеля. Именно в этом состояла суть конфликта между Францией при Людовике XI и ее противниками, между молодыми Соединенными Штатами, последовавшими по стопам Солона, и порочным олигархическим угнетателем - Британской империей, руководимой "венецианской партией", а также конфликта внутри США между президентом Авраамом Линкольном и заговорщической группировкой конфедератов-рабовладельцев, британских марионеток - детища "Молодой Америки" пальмерстоновского агента Мадзини. Отличие термина от первоисточника состоит в том, что автор дополнил концепцию Шиллера ее соответствующим обоснованием в физической науке.

[18] См. [сноску 3](#).

[19] Механистические модели Вальраса сформировали основу позитивистской Венской экономической школы, представленной Людвигом фон Мизесом, Оскаром Моргенштерном и Джоном фон Нейманом. Некомпетентные аксиоматические допущения всего современного "системного анализа" и "информационной теории" восходят к франко-австро-венгерским позитивистам, которые основывались на воззрениях Вальраса и пр.

[20] "voluntary principle"

[21] См. "While Monetarism Dies" ("Пока умирает монетаризм"), цит. выше.

[22] Цит. выше (сноска 3).

[23] Lyndon H. LaRouche, Jr., "So, You Wish to Learn All About Economics?", 2nd edition, Washington, D.C.: EIR News Service Inc., 1995; русский перевод, "Вы на самом деле хотите знать все об экономике?", М., Шиллеровский институт науки и культуры, 1992.

[24] В оригинале: "n-fold Riemannian physical-space-time manifold" - в русском переводе доклада Б.Римана "О гипотезах, лежащих в основании геометрии" 1859-ого года (Б.Риман, Сочинения. М.-Л., Огиз, 1948 - перевод В.Л.Гончарова) употребляется термин "n-кратно протяженное многообразие". Относительно данной терминологии Джонатан Тенненбаум отмечал: "Один из аспектов гауссова построения "комплексных чисел" был особенно важен для работы Римана. Гаусс указывал, что комплексные числа связаны с тем, что он называл "дважды протяженным многообразием или величиной", в

котором допускаются два направления действия, а не одно. К сожалению, в языке современных учебников термин "дважды протяженное" заменен на статическое выражение "двумерное", что в действительности означает не то же самое. В гауссовом термине подразумевается, что он относится к акту увеличения числа степеней свободы действия в произвольном процессе". (J. Tennenbaum, Introduction to Karl Gauss's "The Metaphysics of Complex Numbers", *21st Century Science & Technology*, Vol. 3, № 2, Spring 1990.)

Обсуждение метода Римана коллегами Ларуша Тенненбаумом и Ральфом Шауерхаммером проясняет использование Ларушем канторовского понятия "мощности" (нем. "Maechtigkeit") по отношению к римановским многообразиям:

"Широко распространенная ошибка в понимании римановского мышления заключается в утверждении, что концепция многообразия применяется только к "чисто математическим объектам", вроде чисел или геометрических точек в пространстве. Математик, рассуждающий по-картезиански, который стандартно приводит в качестве примера n -мерного многообразия множества всех упорядоченных " n -ок" вещественных чисел $(x_1, x_2, x_3, \dots, x_n)$, не понял подлинного содержания мысли Римана. Если Риман использовал в цитированном тексте термин "точка", он, конечно, не имел в виду лишнюю внутреннюю содержания и протяженности "мертвую" точку в пространстве или абстрактную пару чисел; "точка" в этом контексте означает скорее *определенную или поддающуюся определению фазу, или определенное или поддающееся определению условие процесса*.

Если условия или фазы физического процесса упорядочены таким образом, что переход процесса в новую фазу может происходить лишь в одном направлении, тогда многообразие этих условий (так называемое фазовое пространство) является, по Риману, однократно протяженной величиной. Расширение этого многообразия до дважды протяженной величины, таким образом, соответствует созданию еще одной *степени свободы*, посредством чего процесс получает дальнейшую возможность развития и более не обязан продолжать развитие в единственном направлении. Риман не "загонял" искусственно физический процесс в арифметические рамки; как раз наоборот, он расширил способность человеческого сознания геометрически визуализировать подлинные процессы во вселенной, лежащие в основе явлений.

Своим общим понятием *протяженности*, Риман заложил фундамент для теории *трансфинитных чисел* Георга Кантора. "Расширение" процесса выражающееся в увеличении числа степеней свободы через трансформацию $n \rightarrow n + 1$, представляет собой совершенно иной тип "расширения", чем тот, о котором мы могли бы подумать, исходя из обычного понятия увеличения (т.е., расширения без качественного изменения). В целом, идея ряда трансформаций $n \rightarrow n + 1 \rightarrow n + 2 \rightarrow n + 3$ и т.д. является основой для описания неэнтропийных природных процессов". (Jonathan Tennenbaum, Ralph Schauerhammer. "The Scientific Method of Bernhard Riemann". *21st Century Science & Technology*. Vol. 5, № 2, Spring 1992.) - Прим. перев.

[25] В оригинале, "cardinality" - кардинальное число.

[26] Мы вынуждены прибегнуть к довольно неуклюжему термину "неэнтропийный", поскольку за несколько десятилетий одуроченная публика усвоила механистический (и по существу абсурдный) смысл термина "негативная энтропия" или "негэнтропия", не к месту употреблявшегося Норбертом Винером.

[27] B. Riemann, "Ueber die Hypothesen, welche der Geometrie zu Grunde Liegen" ("О гипотезах, лежащих в основании геометрии") ("Bernhard Riemann's Gesammelte Mathematische Werke", H. Weber, ed., 1902 (New York: Dover Publications [reprint], 1953; Vaduz, Liechtenstein: Saendig Reprint Verlag Hans R. Wohlend). На стр. 286 немецкого издания: "Es fuehrt dies hinueber in das Gebiet einer andern Wissenschaft, in das Gebiet der Physik, welches wohl die Natur der heutigen Veranlassung nicht zu betreten erlaubt" ("Здесь мы стоим на пороге области, принадлежащей другой науке - физике, и переступить его не дает нам повода сегодняшний день", т.е., вступительная лекция о математике). Риман говорит о том же во вступительном "Плане исследования": "Hiervon aber ist eine notwendige Folge, dass die Saeetze der Geometrie sich nicht aus allgemeinen Groessenbegriffen ableiten lassen, sondern dass diejenigen Eigenschaften, durch welche sich der Raum von anderen denkbaren dreifach ausgedehnten Groessen unterscheidet, nur aus der Erfahrung entnommen werden koennen" ("Необходимым следствием отсюда явится то, что предложения геометрии не выводятся из общих свойств протяженных величин и что, напротив, те свойства, которые выделяют пространство из других мыслимых трижды протяженных величин, могут быть почерпнуты не иначе, как из опыта").

[28] См.: Norbert Wiener, "Cybernetics" ("Кибернетика") (New York: John Wiley, 1948). Винер по существу сводит биологические и прочие типично неэнтропийные процессы к набору статистических случайностей в рамках того же типа механики, к которому относится статистическая теория газа, то есть применяет законы Людвиг Больцмана к крайне маловероятному, локальному и временному отклонению от статистической энтропии, согласно построениям знаменитой больцмановской H -теоремы. См. Morris Levitt, "Linearity and Entropy: Ludwig Boltzmann and the Second Law of Thermodynamics" ("Линейность и энтропия: Людвиг Больцман и Второй закон термодинамики"), *Fusion Energy Foundation Newsletter*, сентябрь 1976, с. 3-18.

[29] А.Д.Сахаров, цит. произв. (сноска 3).

[30] "Science and Economy" ("Общество и экономика"), перевод John Chambless, *Fidelio*, Fall 1992. Основы науки физической экономики см. в: Линдон Х.Ларуш, "Вы на самом деле хотите знать все об экономике?" (цит. выше).

[31]"voluntary principle"

[32] В былые времена предательская рабовладельческая олигархия США объявила преступлением, караемым смертью, деятельность любого рабовладельца, который разрешал учить чернокожих рабов грамоте. Нынешние расисты из факультета образования Гарвардского университета, где проповедовалась ку-клукс-клановская идеология Дженсена и Шокли*, посвятили не менее трех десятилетий генетическому обоснованию того, что американские негры будут испытывать дискомфорт, если от них требовать развития познавательных способностей.

Они утверждали, будто негритянское население более предрасположено генетически к эмоционально-ассоциативному, нежели познавательному поведению. Вытекающие отсюда догмы предполагают, что американские негры имеют право лишь на "получение информации", но не на развитие понятийного мышления. Помимо явной традиции евгенического культа, в гарвардской программе "Исследования черных" ("Black Studies") прослеживается влияние догмы "Тройной революции" Фонда Форда (1965), согласно которой американские негры и прочие расовые меньшинства должны быть изолированы от современной науки, техники и производства, чтобы формировать ряды быстро размножающегося низшего класса в гетто, на периферии современного индустриального общества. Сегодня десятки миллионов американцев, не относящихся к негритянскому населению, вытеснены в тот же низший класс. Олигархический идеолог Уильям Рис-Могг доходит до того, что заявляет, что во всем мире не должно быть индустрии, не основанной на "производстве информации", и при этом 95% населения вообще не должны получать образования. -Прим. автора.

* Уильям Шокли, которому в 1956 году была присуждена Нобелевская премия по физике за изобретение транзистора, совместно с психологом Артуром Дженсеном из Калифорнийского университета написал в 1960х-70х годах серию статей о генетической основе интеллектуального развития, где, в частности, утверждалось, что черные дети менее интеллектуально развиты, чем белые. -Прим. перев.

[33] Это понимание о роли измерений было изложено кардиналом Николаем Кузанским в "De Docta Ignorantia" ("Ученое незнание") (1440) и других работах о научном мышлении. Этот принцип экспериментальной физической науки выведен из работ Кузанского такими прославленными и авторитетными его последователями, как Лука Пачоли и Леонардо да Винчи. Метод Кузанского, с конкретными ссылками, был принят за основу Иоганнесом Кеплером, как отмечено в начале его "Harmonice mundi" (Гармонии мира) (1619). Автор ссылается на дошедший до наших дней стандартный немецкий перевод с латинского - Weltharmonik. Научный метод, использованный в работе "De Magnete" Уильяма Гильберта (1600), сыгравшей решающую роль в первоначальном открытии Кеплером принципа всемирного тяготения, также типичен для работ эпохи Возрождения (Кузанский, Пачиоли, Леонардо). Тот же метод применялся в дальнейшем Жераром Дезаргом, Пьером Ферма, Блезом Паскалем, Кристианом Гюйгенсом (с второстепенными оговорками), Готфридом Лейбницем, Иоганном Бернулли, Гаспаром Монжем, Карлом Гауссом, Вильгельмом Вебером, Бернхардом Риманом и Максом Планком. Однако ни у одного эмпирика или иного редуccionиста вы его не встретите. Здесь мы сосредоточимся на рассмотрении принципа измерения, ограничиваясь при этом важнейшими ссылками на труды Лейбница и Римана.

[34] Здесь неявно подразумевается поверье, навязанное пропагандистами лживой легенды о том, что история-де начинается в Шумере. Так учили "британо-израэлитские" фанатики, доминировавшие в "библейской археологии" XIX века, по существу отменявшие целые горы ценных археологических свидетельств в своей безоглядной, "фундаменталистской" страсти первыми установить номер дома, в котором преживал в Уре Авраам. Соответствующую чепуху несут по сей день доктринеры "британо-израэлитской" расистской навязчивой идеи о том, что первоначальными основателями шумерской культуры были семиты (то есть ни в коем случае не те, кто произошел от ветхозаветного Хама), - суждение произвольное и голословное, не имеющее фактологического обоснования и противоречащее свидетельствам о том, что шумеры, которых семиты именовали "черноголовыми", были представителями приморской культуры, колонизационные походы которой достигали, в частности, Африканского Рога; она возникла на основе культуры, существовавшей тогда на значительно более обширной территории прилегающей к этому региону западной части южноазиатского субконтинента. Тот факт, что занявшие эту территорию семиты переняли клинопись древних шумерских поселенцев, в такой же степени доказывает идентичность шумеров семитам, в какой обнаруженный при раскопках у японцев немецко-японского словарь доказывает, что японцы происходят от немцев. (Из той же бредовой легенды "британо-израэлитов" о зарождении истории в семитском Шумере следует голословное утверждение, будто развитие морских держав происходит на базе культуры прибрежной полосы, тогда как физико-экономические данные доказывают обратное.) Так или иначе, лунная астрономия древней Месопотамии была абсолютно отсталой по сравнению со среднеазиатской солнечно-звездной астрономией тысячелетием раньше и с древнеегипетской астрономией той же эпохи, когда жили халдеи. Согласно историографическим свидетельствам, деградация обречших себя на гибель древних культур всего пояса от Южной Азии через Малую Азию и далее до Европы и Африканского Рога связана с введением селеноцентрического культа, основанного на пантеонической парадигме "великой богини Матери-Земли" (Шакти-Иштар-Астар-Астарт-Кибела-Гейя-Исида), которая совпадает с основанным на поклонении Гее-Земле дельфийским культом Аполлона, с дельфийской ликурговской традицией Спарты и т.п. Развитие (вплоть до наших дней) нумерологии и каббализма Исаака Ньютона и берлинского профессора XIX века Леопольда Кронекера, равно как и геоцентрическое мошенничество, состряпанное Клавдием Птолемеем, - все это продукт безумия, порожденного специфической, основанной на принципе "богини-матери" языческой традицией, которая существует до сих пор, оскверняя современную историю.

[35] Открытие очень длительных солнечно-звездных циклов древними культурами Средней Азии (до "высыхания" региона порядка 6000-4000 до н.э., если не раньше) иллюстрирует это обстоятельство. Рассмотрим, к примеру, открытие этими среднеазиатскими культурами длинного равноденственного цикла, которое было бы невозможно, если бы его автор не

мыслил, как сказали бы позже, платоновскими идеями. Пример измерения меридиана Земли, осуществленного членом платоновской Афинской Академии Эратосфеном, который обучал будущего фараона Египта, относится к той же парадигме, что и более раннее открытие равноденственных циклов, и все открытия подобного рода предвосхитили позднейший прогресс в астрофизике, геодезии, и в том числе изучение магнитного поля Земли Карлом Гауссом. В противоположность современным "вавилонянам", известным под именем эмпириков, "платоновские идеи" присущи только природе человека; без них человеческая культура никогда не поднялась бы выше "охоты и собирательства". Классическая Греция, вершиной культуры которой был Платон, сделала принцип "платоновских идей" основой всеобъемлющего научного метода.

[36] "propositions"

[37] В этом абзаце, как и выше, автор использовал повседневный термин "решающий эксперимент" ("crucial experiment") исключительно по соображениям стилистики. Для применения в аудитории, где обучают профессионалов, предпочтительнее термин "уникальный эксперимент", то есть опыт, раскрывающий ценность новооткрытого закона природы, а не просто опыт, служащий доказательством того, что научный факт свидетельствует в пользу одного предположения в противовес другому. Разница между терминами "решающий" и "уникальный" здесь относится к сущности концептуальных критериев, которые могут быть задействованы в постановке опыта.

[38] Для Лейбница, который был так непримирим к некомпетентности "алгебраической" математики Декарта и Ньютона, "трансцендентное" равнозначно "неалгебраическому". Ложно и злонамеренно распространенная профессором Феликсом Клейном версия о том, что трансцендентные свойства эйлеровских логарифмов и p были впервые продемонстрированы Эрмитом (1873) и Линдеманом (1882) основывается на мифологии, намеренно распространяемой берлинской (времен Фридриха II) ветвью салонов последователей Ньютона, основанной хозяином венецианской сети аббатом Антонио Конти (1677-1749). Этот берлинский филиал международной структуры координировал свою деятельность венецианским же шпионом Джамария Ортесом (1677-1749); его посещали: поклонник Ньютона Вольтер (в 1750-53), Пьер-Луи Мопертюи (в 1741-53), Леонард Эйлер (в 1741-1766), Иоганн Ламберт (в 1764-77) и Жозеф Лагранж (в 1766-87). Берлин эпохи Фридриха II и Франческо Альгаротти внедрял в математическую науку ошибочную теорию функций Эйлера-Лагранжа, в противовес учению Лейбница; эти концепции получили беспрекословное признание в Европе после Венского конгресса. Несмотря на то, что до (сексуального) Венского конгресса, устроенного князем-сутенером Клеменсом Меттернихом, Ньютон и лондонское Королевское Общество были предметом вполне заслуженного осмеяния со стороны ведущих ученых всей Европы, даже в самой Англии (где, например, Чарльз Бэббидж и Джон Гершель внедряли дифференциальное исчисление ("Принцип чистого деизма, супротив университетского маразма"* (Кембридж, 1811)), после участия англичан в разгроме Франции эйлеровско-лагранжевая разновидность ньютоновского эмпиризма "выиграла на поле дипломатии то, что проиграла на поле науки", также и при участии венецианских агентов влияния, Иоаннис (Джованни) Каподистрия и Карло Поццо ди Борго, формировавших внешнюю политику русского царя Александра I. По этой причине, несмотря на то, что международный кружок Александра фон Гумбольдта, к которому принадлежали Гаусс и Риман, продолжал антиэмпиристские научные традиции Франции и Германии, такие проводники и "попутчики" идеологических интересов Британской империи, как Лаплас, Коши, Кельвин, Клаузиус, Грассман, Гельмгольц, Максвелл, Эрмит, Линдеман, Клейн, Мах и позитивисты захватили господство в университетах мира, в особенности после такого дипломатического триумфа эмпиризма, как Версальский договор по окончании первой мировой войны. "Прим. автора.

* Английское название книги - "The Principle of Pure Deism, in Opposition to the Dotage of the University" - содержит игру слов. "Deism" может быть истолковано как "d-изм", то есть использование лейбницевого обозначения для дифференциала, и одновременно это "деизм", философия Разума. "Dotage" - и производное от "dot" (точка), означающее верность ньютоновскому формализму (в котором производная обозначалась точкой над переменной), но в то же время "dotage" значит "старческое слабоумие". -Прим. перев.

[39] Соответствие таухронного (гравитация) и брахистохронного (изохроническое преломление света) принципов кривизны физического пространства-времени.

[40] Эти ссылки на труд Гаусса содержатся в квалификационной диссертации Римана. См. Lyndon H. LaRouche, Jr., "The Essential Role of "Time-Reversal" in Mathematical Economics" ("Существенная роль "обращения времени" в математической экономике"), *EIR*, 11 Oct. 1996, p.19, Note 3. Немецкий перевод "Disquisitiones arithmeticae" с латинского оригинала имеется в репринтном издании: "Untersuchungen ueber hoechere Arithmetik", H. Maser, trans. (New York: Chelsea Publishing Co., 1981).

[41] "cross-mappings"

[42] Следует отметить, что эта конфигурация хорошо известна всем платонистам, в частности Г.Лейбницу и Б.Риману.

[43] нем. - букв., "ведение мотива". Термин употребляется известным скрипачом, музыковедом проф. Норбертом Брайниним в применении к классическому композиторскому подходу, начиная с Ф.Й.Гайдна. Имеется в виду мотивная разработка, сохраняющаяся на протяжении всей композиции.

[44] Опус 121.

[45] См. видеозапись слушаний 31 августа-1 сентября 1995 "Дело Ларуша", в которой в свидетельских показаниях цитируется этот и другие документы.

[46] Paul Montgomery, "How a Radical-Left Group Formed as an Alternative to Violence and Narcotics Degenerated into Savagery" ("Как радикальная левая группа, созданная в качестве альтернативы насилию и наркотикам, впала в одичание"), "New York Times", 20 Jan. 1974. В принципе неудивительно, что летом 1979 года мы получили аудиозапись выступления того же Пола Монтгомери из "Нью-Йорк Таймс" с изложением планов редакторов "Таймс", при содействии члена палаты представителей от Демократической партии (от штата Нью-Йорк) Элизабет Хольцман, посадить автора этих строк за решетку по злонамеренным ложным обвинениям со стороны федеральных и местных агентств. Обнародование этой аудиозаписи на пресс-конференциях в Нью-Йорке и Вашингтоне вынудило "Таймс" воспользоваться еженедельной газетенкой "Our Town" ("Наш город") Эда Кейатта, контролируемой пресловутым Роем М.Коном, который использовал выходца из "маоистской" Прогрессивной рабочей партии, грязного проходимца Денниса Кинга, подписавшего клеветническую публикацию.

[47] Свидетельства очевидцев и данные официального учета грантов, предоставленных Фондом, подтверждают тот факт, что Герберт Маркузе, под надзором Макджорджа Банди и доктора Кеннета Кларка, сыграл ключевую роль в создании и функционировании канала, через который управлялись так называемые "бешеные" из Колумбийского университета 1968 года, из которых позже сформировалось ядро "Синоптиков"*. Официально этот канал именовался "Ист-Сайдское Быро услуг" (East Side Service Organization, ESSO), а поддержка со стороны Фонда Форда обеспечивалась через вашингтонский Институт политических исследований, в то время представленный вашингтонской юридической фирмой Арнольд и Портер. Это была только часть операции, финансируемой Фондом Форда ("Тройная революция" Роберта Теобальда и др.), в рамках которой летом-осенью 1968 года были организованы антисемитские столкновения, едва не перешедшие в расовую стычку, между получателями грантов Фонда и Объединенной Федерацией учителей. Для поддержки расистов-антисемитов, нападавших на учительский профсоюз, летом-осенью 1968 года была использована Компартия США Гэса Холла вместе с окружением из "бывших коммунистов" и прочих "попутчиков". -Прим. автора.

* The Weathermen - Синоптики - самоназвание происходит от строки из песни Боба Дилана: "Вам не нужен синоптик, чтобы узнать, куда дует ветер". -Прим. перев.

[48] В течение февраля 1973 года группы, финансируемые Фондом, были натравлены на Национальное Совещание Рабочих Комитетов.* Предлогом стала попытка НСРК противодействовать намерению использовать реформу системы социального обеспечения (так называемый "уоркфэр")** в качестве прикрытия для того, чтобы сорвать тарифные соглашения с профсоюзами, наняв "гуртом" получателей пособий. Соответствующие крупные фонды вознамерились использовать насилие, чтобы разбить сопротивление этой программе реформы "уоркфэр", организованное НСРК. В первой половине марта 1973 года группа, контролируемая этими фондами, использовала филадельфийские газеты для запуска кампании, нацеленной на срыв конференции с участием НСРК в Филадельфии. Вышеупомянутая Лига молодых рабочих за освобождение (YWLL), игравшая активную роль в коалиции лоббистов "уоркфэр"-реформы, попыталась устроить потасовку, чтобы сорвать конференцию, и головорезы YWLL отступили, только натолкнувшись на организованный отпор. Впоследствии федеральное руководство YWLL приняло решение использовать своих головорезов для изгнания активистов НСРК с улиц Соединенных Штатов. Мобилизация ФБР своей агентуры в Компартии США в ноябре 1973 года для предполагаемой "ликвидации Линдона Ларуша" было продолжением воинственных действий зимы-весны того же года в поддержку программы "рабского труда", защищаемой YWLL. Именно в тот же период с февраля по декабрь 1973 года "Штази", МИ-5 и прочие европейские спецслужбы по согласованию с британцами развернули аналогичные кампании насилия. -Прим. автора.

* НСРК - первоначальное политическое название философской ассоциации Линдона Ларуша, затем переименованное в Международное совещание рабочих комитетов. -Прим. перев.

** Система социального обеспечения в США именуется "уэлфэр", т.е. благосостояние. Утверждение нового принципа "уоркфэр" предполагало, что социальное пособие должно быть заработано. Эта реформа сулила серьезные трудности как для молодых матерей с маленькими детьми - основными получателями "уэлфэр", которые вынуждены работать на малооплачиваемых должностях, так и для высокооплачиваемых рабочих, которые могут быть заменены этими молодыми матерями. -Прим. перев.

[49] Генрих Гейне. "Людвиг Берне", 1840.

[50] В течение второй мировой войны британцы с особым вниманием изучали английский перевод "Истории религии и философии в Германии", написанной Гейне в 1830-ые годы, поскольку в ней Гейне пророчески и с точной эпистемологической интуицией подчеркивал связь между кантианством и созреванием будущих тираний в Германии.

[51] В оригинале, "knuckledragger", что означает громилу или убийцу, - возможно, нанимаемого правоохранительными органами или криминальными структурами. -Прим. перев.

[52] Либретто оперы "Фиделио" Людвиг ван Бетховена было основано на спасении в 1797 году прототипа Флорестана - Лафайета - из страшной австро-венгерской тюрьмы Ольмюц, в которую Лафайет был после своего бегства в

Австрию в 1792 году отправлен усилиями "аппарата", сохранившегося после недавней отставки австрийского канцлера Венцеля, князя фон Кауница, смертельного врага Моцарта. Фактически это заключение Лафайета было осуществлено в интересах британского премьер-министра Уильяма Питта-младшего (в опере - Пиццаро). В опере Флорестан был спасен своей женой Фиделио; действительно, своим освобождением из Ольмюнца Лафайет был обязан настойчивым усилиям своей жены.

[53] Так же, как протеже Бентама лорд Пальмерстон использовал британского агента Джузеппе Мадзини (как и членов семьи покойного императора Наполеона Бонапарта) для захвата Рима путем организованного масонами восстания.

[54] Достоин внимания краткий портрет доктора Уильяма Гомберга, в данном случае построенный в основном на его собственной автобиографии с дополнениями свидетелей. Первый известный контакт Гомберга с Джейм Лавстоуном, которого впоследствии Кремль назначил руководителем Компартии, относится к эпизоду, когда Лавстоун организовал и контролировал "подпольную" студенческую ячейку КП США в Нью-Йорк-Колледж (CCNY). Основателем Компартии США был Луис Фрайна, подготовка которого проходила под руководством негодяя по имени Даниэл Де Леон, принадлежавшего к ветви голландской рабовладельческой семьи с острова Кюрасао. Де Леон был ставленником крупных нью-йоркских банкиров с наследственной бешеной неприязнью к традиции Вашингтона-Линкольна. После того, как Де Леон взял под свой контроль Социалистическую партию США, Фрайна образовал в ней будущее ядро КП США. Последующее назначение Дджея Лавстоуна главой КП США было осуществлено под давлением его советского гуру Николая Бухарина, вопреки возражениям партийного большинства, поддерживавшего Уильяма З.Фостера. В июне 1949 года Гомберг, пользуясь своим влиянием в ILGWU, вошел в арбитражную комиссию, созданную для урегулирования договора между компанией Форд Мотор и Объединенным профсоюзом автомобилестроителей. При участии Лавстоуна, который установил игравшие ключевую роль отношения одновременно с Дж. Эдгаром Гувером (ФБР) и Мини (АФТ-КПП), люди Гомберга заняли влиятельные позиции в АФТ-КПП, особенно в Секции промышленных профсоюзов. Когда нам в процессе нашего расследования заговора с целью политического убийства (1973) удалось отследить участие в нем д-ра Гомберга, выяснилось, что его деятельность базировалась в Уортоновской школе и Пенсильванском университете, в паре с д-ром Эриком Тристом, работавшем на британскую разведку; их целью в то время было уничтожение двух фрагментов прежнего Объединенного профсоюза шахтеров Джона и Дэнни Льюисов в Вирджинии. В практике контрразведки и сходной деятельности никогда не следует доверять книге или деятелю по внешней видимости: если даже вслух высказываемое мнение редко позволяет составлять суждение о человеке, то тем более нельзя судить о нем по отзывам прессы, которая систематически лжет. Лучше проверить его "интеллектуальную генетику", те подспудные аксиоматические установки, которые формируются у большинства людей годам к двадцати пяти и, за редкими исключениями, в дальнейшем постоянно управляют образом мыслей и поведения того или иного лица. Мнения меняются, как меняются теоремы, но, как и в общепринятой геометрии или других областях математики, изначально усвоенные людьми допущения, подобно похоронной процессии, обычно провожают их до самой могилы, кроме тех случаев, когда тектонический кризис, потрясая основы, освобождает человека от глубоко вросших в сознание подспудных установок.

[55] Основанный в 1941 году Freedom House - ведущая частная разведывательная организация "социал-демократической" окраски в США. С момента своего создания Freedom House был тесно связан со структурами бывшего коммуниста Дджея Лавстоуна и Ирвинга Брауна. В течение более 40 лет главой организации был Лео Черне - вице-президент Президентского Совета по внешней разведке в администрации Рейгана (в тот период, когда была создана National Endowment for Democracy). Близкий союзник Джорджа Буша, Черне в значительной степени контролировал аппарат частных разведструктур, использованных для поддержки афганских моджахедов, финансирования никарагуанских "контрас". -Прим. перев.

[56] Согласно принципам международного права, в изложении, например, Friedrich (Freiherr) von der Heydte ("Die Geburtsstunde der souveränen Staaten" - "Зарождение суверенных государств", Regensburg, BRD: Druck und Verlag Josef Habel, 1952), Соединенное Королевство никогда не было нацией-государством - оно скорее соответствует, по всем юридическим стандартам, империи (исходя из опыта как европейской, так и китайской политической истории). Империя, подобно государствам древней Месопотамии, характеризуется сосредоточением основополагающих законодательных полномочий в руках единоличного правителя в лице избираемого или наследственного монарха, либо иного типа диктатора (вроде Оливера Кромвеля). Полномочия такого правителя приближаются к могуществу олимпийского Зевса: его прихоть не подлежит обсуждению, в крайнем случае он может быть отстранен от власти только советом вельмож монаршего рода, по форме аналогичным древнеримскому "совету отцов семейств", полномочному выбирать или замещать установленного наследственного или иного претендента на верховную власть. Чтобы воспрепятствовать чистому произволу внутри такого тайного совета принцев, основания для смещения суверена включают преступления против обрядов (то есть официальной религии) самого царства либо грубое ущемление одной или нескольких привилегированных традиций этнических или иных групп, статус которых как дополнительной составляющей царства требует терпимости к их религиозным или иным обрядовым установкам. Так, "легализация" христианства императором-язычником Константином, состоявшая во включении христианства в имперский митраистский пантеон местного Зевса, именованного псевдонимами наподобие "Негасимого Солнца" (Sol Invictus), предоставила христианству надежную защиту от непрерывного преследования на том условии, что император имел право корректировать христианскую веру, как впоследствии делал гностик Юстиниан, укрепляя посредством назначения епископов культ Аристотеля - редукциониста, убежденного в бренности души. Уже по крайней мере со времен халдейской колыбели зла - Вавилонского царства - были известны три типа имперской власти - власть земельной аристократии, власть финансовой элиты и диктатура государственного чиновничества как такового. Старая британская имперская форма правления была основана на власти крупных землевладельцев, вроде тех английских и французских баронов, которые истребляли друг друга в Столетней войне, координируемой Венецией, и Войне Алой и Белой Роз. Вера в то, что Magna Carta (Великая хартия вольностей, подписанная английским королем Иоанном Безземельным в

1215) представляла порыв к свободе - не более чем сказка для несмышленных детей; по существу Magna Carta была лишь способом обуздания националистических устремлений короля Иоанна, который пытался освободить свое государство от неограниченного произвола вельмож-землевладельцев. С того момента, как Венеция стала контролировать сознание Генриха VIII, посредством манипуляций Франческо Зорзи, кардинала Поула и Томаса Кромвеля, орудием которых была Анна Болейн, внутренние конфликты в Британии периода 1517-1714 гг. управлялись непосредственно Венецией и ее агентурой влияния с целью разгрома английских патриотов как из числа землевладельцев, так и из интеллигенции, в результате чего власть перешла в руки финансово-олигархической клики, которая правит Соединенным Королевством с 1714 года по сей день, не подвергаясь каким-либо угрозам изнутри. Эта политическая фракция из семейств финансовой олигархии, пришедшая к власти в итоге кровавых столкновений начала XVI-начала XVIII веков, именовалась в то время (еще в XVIII веке), согласно ее происхождению, "венецианской партией". В этом свете и следует рассматривать аргументы шотландских националистов: они требуют предоставления им реальной Конституции, не желая более быть жертвами прихотей укрупнившихся в Лондоне "принцев"-олигархов "венецианской партии".

[57] То есть заседания Великого Экуменического Флорентийского Собора 1439-1440.

[58] См., например: Nancy Spannaus and Christopher White, "The Political Economy of the American Revolution" ("Политическая экономия Американской Революции") (1977; 2nd edition, Washington: EIRNS, 1996); Allen Salisbury, "The Civil War and the American System: America's Battle with Britain, 1860-1876" ("Гражданская война и Американская система: Сражение Америки с Британией в 1860-1876") (New York: Campaigner Publications, 1978; 2nd edition, Washington: 1992); Anton Chaitkin, "Treason in America" ("Предательство в Америке") (New York: New Benjamin Franklin House, 1985); H. Graham Lowry, "How the Nation Was Won: America's Untold Story" ("Как была выиграна нация: Нерассказанная история Америки") (Washington: EIRNS, 1988); Anton Chaitkin and Webster G. Tarpley, "George Bush: The Unauthorized Biography" ("Джордж Буш: Неавторизованная биография") (Washington: EIRNS, 1992).

[59] Игра слов. Reed - камыш, Bush - куст. Так же звучат фамилии бывшего главы Ситибанка и экс-президента США. - Прим. перев.

[60] Платон, "Государство", Книга вторая. "Главкон: А то, что мы чтим (αγαρwmen) и само по себе, и ради его последствий? . . . К какому виду благ ты относишь справедливость? Сократ: Я-то полагаю, что к самому прекрасному, который сам по себе, и по своим последствиям должен быть ценен (αγαρhteon) человеку, если тот стремится к счастью." Глагол αγαρw, в переводе А.Н.Егунова - "чтим" и "должен быть ценен", - обозначает любовь правды и справедливости. То же самое понятие встречается у Апостоля Павла в Первом послании к Коринфянам (13): "Но теперь прибывают вера, надежда, любовь (αγαρη), эти три, но большая из них любовь". -Прим. перев.

[61] Образное выражение "гран-гиньоль" происходит от одноименного парижского театра на Монмартре, специализирующегося на коротких пьесах, полных непредвиденностей и ужасов. -Прим. перев.

[62] Так же, как Фридрих Шиллер рассматривает историю европейской цивилизации как результат непрерывной смертельной схватки между традициями Солона Афинского и наследием рабовладельческого общества Спарты, подчиненного кодексу Ликурга. Следует уточнить при этом, что форма государства, соответствующая принципам Солона, возникла впервые лишь во Франции в эпоху Людовика XI.

[63] Речь У.Черчилля в Фултоне, штат Миссури (март 1946), в которой он возвестил о возникновении в Европе "железного занавеса". -Прим. перев.

[64] Дело обстояло так: в 1978 году представители Фюжн Энерджи Фаундэйшн (FEF) были приглашены для участия в международной конференции под эгидой СССР, посвященной термоядерному синтезу с инерционным удержанием плазмы (например, с использованием лазера).* Участники конференции встретились с автором этих строк, чтобы выяснить, какие у него есть пожелания. В свете конфликта, происходившего между FEF и учреждениями типа Лоренс Ливермор Лабораториз,** автор поинтересовался у русских, не рассекретили ли они некоторые свои ссылки на Риманову концепцию изоэнтропического сжатия, использованную при производстве водородной бомбы. Материалы с подобной рассекреченной информации, сказал автор, были бы очень ценны для попыток самого автора и FEF подвергнуть сомнению компетентность таких устройств из области "виртуальной реальности", как "Лазнекс" ЛЛЛ. Представителям FEF удалось получить этот рассекреченный материал. Именно на основе этой концепции автор предложил усовершенствовать ежеквартальный прогноз развития экономики США, который за период 1979-1983 годов, на который был рассчитан, оказался единственным точным прогнозом из опубликованных в печати. Так желание продемонстрировать римановский принцип изоэнтропического сжатия путем продуктивного приложения к какой-либо области подсказало нам инициативу этого прогноза. Этот случай характерен для того старшего поколения советских ученых, чьи корни - в классическом научном методе Западной Европы, особенно в германской научной традиции Гаусса, Гумбольдта и Римана. Это были ученые исключительно высокой квалификации, которую сегодня воспроизвести будет непросто. -Прим. автора.

* FEF - Фонд термоядерного синтеза, научная организация, основана по инициативе Л.Ларуша в 1974 г. Фонд прекратил свою деятельность в 1987 г. после того, как правительство США незаконно объявило его банкротом. -Прим.перев.

** аналог советского Арзамаса-16. -Прим. перев.

[65] Два обстоятельства. То, что Римская империя зародилась на острове Капри, в итоге заключения союза против Клеопатры между Октавианом, будущим императором Августом, и жрецами Митры, и то, что император Тиберий дал распоряжение казнить Христа мужу своей племянницы Понтию Пилату, находясь в своем дворце на этом острове, сделали это место центром неодолимого притяжения для таких сатанистов, как Аксель Мюнте, Рудольф Штайнер, Бенито Муссолини, а также многочисленных поклонников Ницше, в том числе Максима Горького и Адольфа Гитлера. Это направление сатанизма представлено также пресловутым Дьердем Лукачем, духовным отцом Франкфуртской школы Хоркхаймера, Адорно, Маркузе, Корша и др. В музыке и других искусствах романтизм конца XIX и модернизм XX века в значительной мере отражают влияние тех видов сатанинских культов, которые на некоторый период превратили остров Капри в свое открытое международное святилище. Психоанализ Фрейда, Франкфуртская школа Адорно, Ханны Арендт и др., а также сатанинские извращения Достоевского, Горького, Лукача и Бертольта Брехта, родственные педофильским культовым мафиям сегодняшнего дня,* типичны для того растущего влияния, которым пользуются в искусстве всего мира эти деконструкционистские поветрия модернизма в "нью-эйджевской" форме. -Прим. автора.

* В последнее время в расследованиях преступлений против детей в разных странах все чаще обнаруживаются два элемента: причастность к ним сатанистских сект и покровительства педофилам, в том числе и убийцам детей, со стороны полицейских и судебных органов власти. Такое имело место в Бельгии (кружок педофила-убийцы Дютру (Dutroux)), в Австралии (скандал в штате Новый Южный Уэльс), в США (дело кредитного общества имени Франклина в штате Небраска). -Прим. перев.

[66] Уже когда эта публикация готовилась к печати, в "Вашингтон Пост" за 21 ноября 1996 года появилась статья репортера Рене Санчеса с кричащим заголовком: "Проведено изучение преподавания математики - обвиняются американское образование, учебные планы". Читатель узнает о том, что в только что изданном отчете Министерства образования США, представляющем собой "крупнейшее из когда-либо проведенных в мире исследований такого рода, характеризующее успеваемость американских учащихся по математике и научным дисциплинам", обнаруживает, что "существенные проблемы, заложенные в том стиле обучения и тех преподаваемых курсах, которые используются во многих американских школах для "инструктажа" учащихся по математике и естественнонаучным дисциплинам", приводят к катастрофическому провалу, по сравнению, в частности, с уровнем Японии и Германии. Газета добросовестно обобщает данные отчета, приводя эти данные далее в тексте и констатируя, что причиной провала в американском образовании является то обстоятельство, что "большинство учителей только заявляют концепции, не развивая их полностью". По существу, в этой публикации отражены три факта: 1) то, что в Соединенных Штатах отвергли принцип гуманистической программы образования Гумбольдта, который внедрил в Филадельфии Александр Даллас Бейч при создании американской системы среднего образования, и еще более удалились от гуманистического метода побуждения учащихся к воспроизведению духовного опыта первоначального открытия, но также 2) то, что в США преподавание математики и предметов физической науки пало жертвой той же долгосрочной "деконструкционистской" деградации образования, которую протасила в школы и университеты Ассоциация современного языка (MLA); 3) то, что американские выпускники и учащиеся ушли далеко "вперед" по сравнению с сопоставимыми в этом отношении странами в превращении в "информационное общество", схожее с человеком, которому удалили кору головного мозга, и этот катализируемый телевидением процесс приводит к поголовному выхолащиванию познавательного потенциала как взрослого, так и юного поколений современных США. Контраст между реальностью экспериментальной физики и призрачной "виртуальной реальностью" математической физики, аксиоматически построенной на допущении непрерывности, представляет собой лишь менее вырожденную форму проявления тех же самых принципов, которыми обусловлено положение дел, описываемое "Вашингтон Пост" со ссылкой на Министерство образования США.

[67] См.: Lyndon LaRouche, "While Monetarism Dies" ("Пока умирает монетаризм"), *EIR*, 25 окт. 1996; диаграмма на стр. 18.

[68] Gustav Jenner, "Johannes Brahms als Mensch, Lehrer und Kuenstler: Studien und Erlebnisse" ("Иоганнес Брамс как человек, учитель и художник: Наброски о былом") (Marburg an der Lahn, Germany: N.G.Elwert'sche Verlagsbuchhandlung, 1930). Ссылка имеется в: "A Manual on The Rudiments of Tuning and Registration" ("Учебник основ настройки и регистровки"), John Sigerson and Kathy Wolfe, eds. (Washington, D.C.: Schiller Institute, 1992), Chap. 11, "Artistic Beauty: Schiller Versus Goethe" ("Красота в искусстве: Шиллер против Гете"), стр. 199-228.

[69] Дэвид Рисмен, автор книги "The Lonely Crowd" ("Одинокая толпа"), описал жалкий тип североамериканца середины XX столетия, назвав его "личностью, управляемой другими" ("other-directed personality"), т.е., конформистом. - Прим. перев.

[70] "inner-directed personality"

[71] "other-directedness"

[72] "Мертвые белые европейские мужчины" - термин из лексикона "культурных релятивистов" в американской системе высшего образования. Так американские "реформаторы" именуют классиков мировой литературы, философской и научной мысли. Утверждается, что если студентов (в особенности представителей черного меньшинства) "заставляют" изучать не современных феминисток, а Платона, Шекспира, Данте, Леонардо, Лейбница, Гаусса, то это - "насилие над их личностью". Это привело к тому, что во многих ведущих университетах от студентов не требуют чтения классиков в подлиннике, и студент может получить диплом по английской литературе, даже не открыв Шекспира. -Прим.перев.

[73] Склонности крайне невротичного мистификатора, свойственные Норберту Винеру, уже описаны в печати известными Рихардом Курантом и Давидом Гилбертом.

Использована [электронная публикация](#),